

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РЕЛИГИОЗНАЯ МЕТАФОРА В ЛИРИКЕ

С.А. ЕСЕНИНА

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
очной формы обучения, группы 02031301
Шелгановой Виктории Александровны

Научный руководитель
д.ф.н., профессор
Чумаков-Жунь И.И.

БЕЛГОРОД 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ЛЕКСИКА КАК СИСТЕМА. СИСТЕМНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	6
1.1. Понятие о лексических группах в современном русском языке.....	6
1.2. Специфика идиостиля С.А. Есенина. Религиозная лексика в поэзии С.А. Есенина.....	9
Выводы по главе I.....	21
ГЛАВА II. СОСТАВ И СТРУКТУРА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ И ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ПОЭЗИИ С.А. ЕСЕНИНА.....	22
2.1. Типология религиозной лексики в поэзии С.А. Есенина.....	22
2.2. Религиозная лексика в сравнениях, метафорах, эпитетах.....	39
Выводы по главе II.....	55
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	57
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	61
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	67

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность дипломной работы заключается в необходимости изучения языка, религиозной лексики и стиля отдельных литературных произведений С.А. Есенина.

Академик В.В. Виноградов подчеркивал, что изучение «языка литературного произведения должно быть одновременно и социально-лингвистическим, и литературно-стилистическим», когда говорил о задачах истории русского литературного языка. [Виноградов 1981: 129]. Исходя из этого, необходимо рассмотрение языковых особенностей определенного произведения: 1) «соотносительно с общей системой литературного языка соответствующей эпохи, в свете его грамматики и лексики»; 2) следует анализировать язык художественного произведения как «целостного семантического единства», созданного творческой личностью.

Творчество С.А. Есенина пришлось на сложные послереволюционные годы. С Великой Октябрьской революцией пришёл социализм, а с ним и атеизм, возведённый в ранг государственной внутренней политики. Религия не стала запретной темой, так как не искоренялась насильственно, – борьба с ней велась на очень глубоком уровне. И хотя состав религиозной лексики остался практически неизменным, лексическое значение и функции отдельных единиц, которые выполняются религиозной лексикой в художественных текстах, подверглись большим изменениям. Авторы стали гораздо вольнее трактовать библейские сюжеты, расширять значение религиозных образов, привнося в них элементы собственного художественного видения [Азаровский 1994: 84].

С этой точки зрения нам будет особенно интересен С.А. Есенин. Он обширно использует религиозную лексику и пишет стихотворения на

религиозную тему. Для нашего исследования будет также интересно совмещение автором лексики, относящейся к православию и к католичеству. В качестве материала исследования мы используем собрание сочинений С.А. Есенина в двух томах.

Итак, **целью** дипломной работы является определение особенностей использования религиозной лексики в лирике С.А. Есенина.

Для реализации цели предполагается решить такие конкретные **задачи**:

- 1) дать определение понятия «религиозная лексика» и в соответствии с этим отобрать фактический материал, необходимый для анализа;
- 2) определить функции этого пласта лексики в поэзии С.А. Есенина;
- 3) классифицировать языковой материал и охарактеризовать его с точки зрения происхождения;
- 4) установить корпус слов с религиозной семантикой в произведениях;
- 5) разработать типологию выявленной религиозной лексики;
- 6) определить функции религиозных слов в произведениях.

В соответствии с целью, объектом, предметом и задачами исследования, мы использовали следующие **методы**:

- 1) наблюдения и описания;
- 2) теоретические анализ и обобщение педагогической, лингвистической, методической литературы по проблеме исследования;
- 3) метод количественного и качественного анализа результатов исследования.

Объектом исследования является язык поэзии С.А. Есенина.

Предмет исследования – особенности использования религиозной лексики в лирике С.А. Есенина.

Теоретическая значимость исследования заключается в изучении особенностей религиозной лексики в лирике С.А. Есенина.

Практическая значимость работы заключается в применении результатов исследования в решении проблем, связанных с особенностями изучения религиозной лексики в лирике С.А. Есенина.

Структура работы: работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка. Общий объем работы составил 70 страниц.

ГЛАВА I. ЛЕКСИКА КАК СИСТЕМА. СИСТЕМНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

1.1. Понятие о лексических группах в современном русском языке

Лексический состав русского языка – простое множество слов и система элементов одного уровня. Лексика – совокупность слов, связанных различными отношениями, составляющих часть большого, сложного целого – лексико-фразеологической системы русского языка.

Слова в русском языке существуют в единой совокупности, взаимосвязи, не изолированы от его общей номинативной системы. Слова соединяются в разнообразные группы на основе различных признаков. Так, определяются различные тематические классы, которые составляют, например, слова, указывающие на определенные бытовые предметы, и слова, к которым относятся абстрактные понятия. В ряде первых не сложно определить наименования мебели, посуды, одежды и т. д. Основой для такого объединения слов в группы предназначаются не лингвистические характеристики, а сходство определяемых ими понятий [Калинин 1978: 127].

Другие лексические группы развиваются на конкретно лингвистических основаниях. Например, лингвистическое своеобразие слов допускает объединить их в части речи по лексико-семантическим и грамматическим признакам.

Лексикология определяет совокупность взаимосвязей в составе множественных лексических групп, которые определяют номинативную систему языка. Определение системных отношений в ней происходит следующим образом: в лексике языка выделяют общие (или противоположные) значения группы слов, сходных (или

противопоставленных) по стилистическим свойствам; соединенных общим типом словообразования; объединенных совокупностью происхождения, своеобразным функционированием в речи, а также принадлежность к активному или пассивному запасу лексики и т. д. Целые классы слов включаются в системные связи, которые могут выражать значение признака, действия, предметности и т. п. Парадигматические системные взаимодействия (от гр. *paradeigma* – пример, образец) – это такие взаимодействия в группах слов, которые объединяются совокупностью признаков, составляют основу лексики любого языка [Фомина 1983: 241]. Основа лексической системы любого языка делится на множество микросистем. Элементарными Например, пары слов, которые связываются противоположностью значений, т. е. антонимы. Усложненные микросистемы состоят из слов, классифицируемых на основе сходства значений. Они создают синонимические ряды, иерархические единицы различных тематических групп, видовые и родовые сопоставления. Следовательно, наиболее большие семантические соединения слов входят в большие лексико-грамматические классы – части речи [Шмелев 1977: 312].

Лексико-семантические парадигмы в любом языке довольно устойчивы и не склонны к изменениям под воздействием контекста. При всем при том, семантика определенных слов может отображать особенности контекста, выражающие в лексике системные связи.

Одно из выражений системных связей слов – их умение соединяться друг с другом. Предметно-смысловые связи определяют сочетаемость слов, лексическими особенностями, грамматическими свойствами. Например, слово *стеклянный* возможно использовано в согласовании со словами *стакан, шар*; могут быть сочетания *стеклянная ваза (бутылка, банка)*, даже *стеклянная сковорода (кастрюля)* – из *огнеустойчивого стекла*. Однако невозможны – «стеклянная газета», «стеклянная рыба», так как взаимная сочетаемость исключается предметно-смысловыми связями этих слов. Таким образом, связь слов *стеклянный* и *стоять*, *стеклянный* и *близко* невозможна:

их грамматическая природа этому препятствует (невозможно сочетание прилагательного с глаголом, обстоятельственным наречием). Способность к формированию переносных значений является лексическим своеобразием слова *стеклянный*, что допускает построение словосочетаний *стеклянный дым волос*, *стеклянный взгляд*. Слова, не имеющие этой возможности (например, *металлорежущий*, *огнеупорный*), не допускают метафорического употребления в речи [Касаткин 2012: 94].

Закономерности сочетания слов друг с другом выражают системные связи, которые называются синтагматическими (от гр. *syntagma* – нечто соединенное). Они выражаются в определенных лексических сочетаниях, т. е. при соединении слов. Однако, выражая связь значений слов, а также их системные связи в парадигмах, лексическая система языка в целом помогает обусловить синтагматические отношения. Характерная черта сочетаемости отдельных слов в большей степени зависит от контекста, следовательно, синтагматические связи в значительной степени, нежели парадигматические, подвержены изменениям, которые предопределены содержанием речи. Следовательно, лексическая синтагматика выражает изменение реалий (*стеклянная кастрюля*), наши развернутые представления об окружающем мире (*ходить по луне*), образную энергию языка (*стеклянный дым волос*) [Валгина 2002: 174].

Системные связи слов, взаимодействие различных значений одного слова и его связи с другими словами очень разнообразны, что указывает на большую выразительную силу лексики. Но при всем при этом, стоит помнить, что лексическая система языка составляет часть более крупной языковой системы, включающая определенные связи семантической структуры слова и его фонетических черт, формально-грамматических признаков, а также имеющая зависимость значения слова от паралингвистических (от гр. *para* – около, возле + лингвистический, языковой) и экстралингвистических (от лат. *extra* – сверх-, вне- + языковой)

причин: жестов, мимики, условий функционирования, интонации, времени закрепления в языке [Галинская 2007: 249].

Составная часть общеязыковой и лексической системы определяется и изучается в речевой практике, которая оказывает влияние на перемены в языке, содействуя его обогащению, развитию. Познание системных связей в лексике становится обязательным требованием научного описания словарного состава русского языка. При составлении различных словарей, и при выработке литературно-языковых норм словоупотребления, и при разборе методов индивидуально-авторского применения выразительных возможностей слова в художественной речи, решение теоретических проблем обретает непосредственный выход в практику [Чешко 2014: 124].

1.2. Специфика идиостиля С.А. Есенина. Религиозная лексика в поэзии С.А. Есенина

О С.А. Есенине принято говорить, что он крестьянин, крестьянский поэт. Поэт рос в большом селе Константинове, где было земское училище, которое С.А. Есенин окончил с похвальным листом. Позднее он продолжил учебу в образовательном заведении, подготавливающем учителей русской словесности для деревенских школ. Казалось бы, при таком происхождении и образовании в первых стихах можно ожидать возникновения «старинных слов» [Базанов 1982: 291]. Но именно в этом периоде его творчества мы их и не наблюдаем. Самые ранние стихотворения, написанные 14–16-летним подростком, необыкновенно оригинальны. Думается, что Есенину вполне предостаточно тех слов, которые есть в словарном запасе молодого человека.

*Там, где капустаные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке*

Зеленое вымя сосет.

(«Там, где капустные грядки...», 1910)

Дедушка и бабушка С.А. Есенина были набожны, следовали старым религиозным обрядам, а также были знатоками народной песни и религиозного фольклора. В их добротной избе властвовал «хомутный запах дёгтя» и возвышалась «божница старая», испускавшая лампы душевный свет». Все это описано в стихотворении поэта «Мой путь». Они души не чаяли во внуке, окучивали его и приобщали к своим духовным увлечениям [Большакова 2002: 93].

«...Я рос, – говорил С.А. Есенин, – в обстановке народной поэзии. Бабушка, которая меня очень лелеяла, была очень религиозна, собирала калек и нищих, которые напевали религиозные стихи. Не менее важное значение имел дедушка, который сам знал большое количество духовных стихов наизусть и не плохо ориентировался в них» [Базанов 1982:135]. Бабушка рассказывала внуку сказки, пела песни, духовные стихи, унося его фантазии в мир старинных легенд и преданий во время долгих зимних вечеров.

Доходили до С.А. Есенина и произведения поэзии, обделённые религиозным содержанием. Дедушка, имеющий прекрасную память, знал не только духовные стихи, но и огромную уйму народных песен и часто их распевал; ухаживавшая за малышом старушка приживальщица, рассказывала ему народные сказки.

С.А. Есенин был христианской веры. Совершенством для поэта являлся Христос, в которого он верил, т. к. этого требовала душа. Однако на раннем этапе в православии поэта уже проявился еретизм. Для молодого поэта Христос являлся гением, который был одарен светлым «умом человека, с благородной душой, образцом любви к ближнему. Божественная суть Христа была подвергнута поэтом сомнению [Винокуров 1986: 58].

С.А. Есенин считал, что Христос указал, как нужно жить, но при этом не сказал, ради чего нужно жить. Поэт сделал вывод, что истина жизни

заключается в единстве всего мира, что «все люди – единая душа», и это понимание, в дальнейшем оказало огромное давление на его поэзию. Поэт пришел к хлыстовскому заключению о равенстве человека и Христа, уверяя себя в том, что мир един: «Люди, не из вас ли вышли Христы и не можете ли вы быть Христами? Разве я не могу быть Христом, разве ты тоже, – спрашивал он Г. Панфилова, – не пойдешь на крест, насколько я тебя знаю, умирать за благо ближнего?» [Воронова 2002: 94].

Элементы диалектной, рязанской «вязи», древнерусские слова существуют в ранних стихотворениях С.А. Есенина. А также находит большое применение архаизированная религиозно-церковная лексика, которая связана с религиозно - обрядческими образами.

Религиозно-церковная лексика и символика активно употребляются в ранних стихотворениях поэта. Они полны различными понятиями, церковно-обрядной лексикой и христианской символикой.

Особо явным стилеобразующим средством в ранней поэзии С.А. Есенина являются непростые слова, имеющие лексические признаки первых словообразовательных компонентов типа: *благо-*, *бого-* и т. д.

О верю, верю, счастье есть.

Еще и солнце не погасло.

Заря молитвенником красным

*Пророчит **благостную** весть.*

О верю, верю, счастье есть.

(«О верю, верю, счастье есть....», 1917)

Жертвенная миссия поэта, одухотворенная природа, религиозное послушание, странничество, богоизбранность русского крестьянина, за которого радуется Св. Николай Угодник, чувственная и плотская любовь: все это мотивы лирики С.А. Есенина начала 1910-х годов. Крестьянская Русь олицетворяет небо в поэзии автора 1910-х годов. Синий цвет становится главенствующим в цветовой образности есенинского стиха, который традиционно ассоциировался с образом Богородицы [Юшин 1969: 58].

Увлечение С.А. Есениным политической борьбой 1913 г. было сильно связано с религиозным «нигилизмом». Поэт выступал агитатором среди рабочих, за ним велась слежка, но его участие в антиправительственных мероприятиях не имело партийного характера, являвшегося следствием его романтического мироощущения [Есаулов 2006: 104].

Светлое, радостное отношение поэта к миру как Божьему Дару проявилось в лирике 1914 г. (*«Все встречаю, все приемлю, / Рад и счастлив душу вынуть»*).

С.А. Есенин в своем мировоззрении гармонично соединил два начала – христианское и крестьянское. Лубочной для поэта не являлась тема крестьянской России, тема избы. В поэзии автора для нее характерен философский и библейский смысл. Крестьянский космос являлся для него олицетворением для него благодать и земной рай [Захарова 2009: 161]. В строках стихотворения, посвященного Д.В. Философому «Черная, потом пропахшая выть!..» *«Выйду на озеро в синюю гать, / К сердцу вечерняя льнет благодать»* выражено чувственное отношение поэта к миру земной гармонии. В стихотворении *«В хате»* образ крестьянского лада и райской благодати состоит из многочисленных бытовых деталей. Восприятие крестьянского рая, которое было адекватным раю небесному, показано в стихотворении «Гой ты, Русь моя родная...»: *«Если крикнет рать святая: / «Кинь ты Русь, живи в раю!» / Я скажу: «Не надо рая, / Дайте родину мою»*.

В поэзии С.А. Есенина одухотворенный пейзаж. Евангельские образы связаны с пейзажной метафорой. Например, в стихотворении «Сохнет стаявшая глина...» образ ветра, *«рыжего ласкового осленка»*, сочетается с образом Христа (*«Кто – то в солнечной сермяге / На осленке рыжем едет»*), которому поклоняется вся природа (*«Никнут сосны, никнут ели / И кричат ему: «Осанна!»*). В стихотворении «Чую радуницу Божью...» природа – олицетворение Христа: *«Между сосен, между елок, / Меж берез кудрявых бус, / Под венком, в кольце иголок, / Мне мерещится Исус»*. Лирический

герой его поэзии той поры – пастух в хоромы природы («*Я – пастух; мои палаты – / Межи зыбистых полей*»). Определение «пастух» уже в ранней лирике обрело тот ветхозаветный смысл, который поэт позже, в 1908 г., раскрыл в статье «Ключи Марии»: все творчество и вся философия жизни является плодом пастушеских дум; пастух, как пророк Амос, мистически избран. В православной теме С.А. Есенин – лирик и импрессионист. В религиозной образности его стихов отсутствует книжная культура, являющаяся характерной для поэзии Н. Клюева, содержание которой – эмоция. Например, в «Пасхальном благовесте» главным является – не обряд, а ликование души лирического героя. В стихотворении «Не ветры осыпают пуши...», написанном в жанре псалма, имеет доминирующую позицию чувственное начало, откровение поэта о своей любви к «*возлюбленной Маму / С Пречистым Сыном на руках*».

В 1915 году с предложения А.А. Блока 19-летний С.А. Есенин заводит знакомства в литературных кругах. Поэт подвергся огромному творческому воздействию Н. Клюева и С. Городецкого. Может быть, именно поэтому многие стихотворения периода 1916–1918 годов несут в себе открытые следы чужого воздействия и даже прямого копирования. Именно в этот период времени в стихах С.А. Есенина впервые встречаются стилистические славянизмы, призванные показывать божественные, возвышенные, потусторонние настроения и помыслы [Евдокимов 1996: 128].

Религиозно-церковная лексика и символика усиленно используется в стихотворениях С.А. Есенина этого периода. Они переполнены христианской символикой, религиозными терминами и церковно-обрядной лексикой.

У церкви пред затворами древними

Поклонялись пречистому Спасу...

«Все единому служим мы господу,

Возлагая вериги на плечи»

*Идет возлюбленная **мати**
 С **пречистым** сыном на руках.
 Она несет для мира снова
Распяты воскресшего **Христа**...*

*И не замечу в тайный час,
 Что в елях – крылья **херувима**,
 А под пеньком – голодный **Спас**...
 («Не ветры осыпают пущи...», 1914)*

Почти в каждом стихотворении видим обращения к Богородице, Богу, святому Николаю, ангелам и другим представителям религиозно-православного культа.

Церковно-религиозная лексика представлена в названиях предметов церковно-религиозного обихода, в описаниях явлений природы; они как будто переведены на язык богослужебно-церковных и религиозных определений:

*Пахнет вербой и смолою.
 Синь то дремлет, то вздыхает.
 У лесного **аналоя**
 Воробей **псалтырь** читает...
 («Сохнет стаявшая глина...», 1914)*

Возможно, что это традиционные обороты речи, своеобразные штампы, навеянные религиозной средой.

Стихи с религиозными словесными образами предположительно говорят не о набожности поэта.

Стихи С.А. Есенина раннего периода, а также периода и 1917–1918 годов большое количество старославянских слов. Славянизмов с неполногласными сочетаниями *ла, ра, ле, ре*, между согласными в его

стихах мало и они используются в одной функции – повышения стиля [Кошечкин 1980: 159].

В стихах С.А. Есенина очень обширно употребляются славянизмы. Наиболее ярким стилеобразующим средством выступают сложные слова с лексическими признаками первых словообразовательных эпитетов типа: *бogo-*, *благо-*, *добро-* [Занковская 2003: 163].

Церковно-обрядная символика, библейские мотивы обусловили использование старославянской, общеславянской древнерусской лексики как стилеобразующего средства. Следовательно, в стихах поэта чаще, чем у других используются существительные отдельного фонетико-морфологического образования безаффиксного типа. Эти краткие слова имеют необычную ритмичность из-за корневого ударения и поэтому очень дороги для поэтизации речи [Коржан 1969: 128].

Отчётливость и конкретность поэтического видения определяется самой обиходной бытовой лексикой, словарь прост, в нём нет книжных, а также абстрактных слов и выражений. Данным языком пользовались земляки и односельчане, и в нём за исключением всякой религиозной окраски встречаются религиозные слова, которыми автор пользуется для выражения своих исключительно светских идей [Овчинников 1982: 204].

Например, в стихотворении «Дымом половодье...» стога сравниваются с церквями, а заунывное пение глухарки с зовом ко всенощной.

Однако не нужно видеть в этом исключительно религиозность С.А. Есенина. Поэт далек от неё и рисует картину родного края, забытого и оставленного, затопленного половодьем, отделенного от большого мира, оставленного наедине с печальным жёлтым месяцем, мутный свет которого озаряет стога, и они, как церкви, у прясел окружают деревню. Однако, по сравнению с церквями, стога молчаливы, и за них глухарка заунывным и невесёлым пением зовёт ко всенощной в тишину болот.

Можно по стихам поэта возобновить его ранние мужицко-религиозные течения. Выйдет, что задача крестьянина божественна, поскольку крестьянин

как будто сопричастен творчеству Божью. Бог – отец. Сын – урожай. Земля – мать.

Сюжеты стихотворений С.А. Есенина также сходны с народными: исторические события («Марфа Посадница»); гадание, несчастная любовь, религиозные обряды («Пасхальный благовест»).

В первых сборниках поэта возникает особое художественное пространство: размеренная жизнь патриархальной деревни подчиняется законам природы и православной веры. В изображениях крестьянского быта имеется место для прозаических подробностей вроде тараканов или яичной скорлупы [Юнусова 2004: 127].

Важной особенностью деревенского топоса С.А. Есенина является неуловимое или зримое присутствие божественных сил. Неземные образы просты и конкретны: старому страннику в образе нищего является Господь, а Богородица, несущая сына на руках и приносящая высокую жертву, обрекая дитя на гибель во благо спасения земного мира [Сохряков 1997: 73].

В 1916 году появляется первый сборник стихов поэта «Радоница», показывающий крестьянский быт и трактующие религиозные сюжеты. В ритме стихов «Радоницы», в их повторах и чередовании есть что-то от народного орнамента, вышивки на крестьянском полотенце.

«Радоница определяется как (у С.А. Есенина – радоница) – день поминовения усопших, по большей части понедельник, а в некоторых местах вторник первой после пасхальной недели, т.н. Фоминой. Слово «радоница» значит блестящая, просветленная. Это наименование приличествует первым весенним дням» [Сойкина 1992].

Этот праздник поминовения усопших родителей пришел к нам из далеких языческих времен. В старину этот праздник являлся как радостным, так и трагичным. Позднее сохранился как день радости общения с усопшими родными. Это как бы воскрешение в памяти дорогого прошлого, желание приблизить его к себе. В сборнике есть и еще один мотив, выраженный словами С.А. Есенина: *«Не разбудишь ты своим напевом Дедовских могил»*

[Захарова 2009: 63]. Во-первых, это светлые воспоминания о далеком прошлом, а во-вторых, невозможность его вернуть.

Многие стихи связаны с названием сборника, которые были навеяны религиозными представлениями и поверьями, хорошо знакомыми поэту по рассказам деда, а также по урокам закона божьего в спас-клепиковской школе. Использование христианской символики характерно для таких стихотворений [Галкина-Федорук 1965: 124].

В художественном мире сборника, который состоит из 32 стихотворений и «маленькой поэмы» «Микола», написанных в первой половине 1910-х гг., занимает лидирующую позицию религиозно-мифологическая составляющая. Об этом говорят заголовки произведений: «Микола», «Инок», «Калики», «Богомолки», «Поминки», «Шел Господь...», «Матушка в Купальницу...», «Троица», «Чую Радуницу Божью...», «Край родной, поля, как святцы...» [Арнаудов 1970: 164].

В этих зачастую чисто пейзажных и бытовых зарисовках содержится хотя бы по одному библейско-мифологическому образу: *«Кто-то помолился: Господи Иисусе»*; *«На дворе обедню стройную / Запевают петухи»*; *«Запах ладана от рощи ели льют, / Звонки ветры панихидную поют»*; *«И под плач панихид, под кадилный канон...»* и др. На первый план выдвинулись стихотворения с церковной тематикой, а лейтмотивом всего сборника стал библейский образ молитвы, возникавший даже там, где поэтический мир стихотворения не требовал и, более того, не предполагал этого («Пастух», «Базар» и др.). Реалистические стихи насыщаются религиозной лексикой, а также образностью; детали деревенского быта окрашиваются в церковные тона: стога похожи на церкви, солома на ризу, вода в ручье – святая, в благовесте ветра рощи кадят дымом и т.п. В этой богомольной атмосфере петухи запевают *«обедню»*, а *«черная глухарка к всенощной зовет»*.

Очень мощное влияние на С.А. Есенина оказала древнерусская литература и иконопись. По мнению поэта, литература Древней Руси –

«великая литература», «перевесившая всю прочую мировую словесность». Нередко, в поэзии автора прослеживается формирование того или иного сюжета древних письменных памятников, в других случаях – отдельных мотивов; иногда поэт использует сравнения и метафоры, взятые из жития, хождений и воинских повестей. Многократно поэт опирается на «Слово о полку Игореве», которое знал наизусть [Воронова 2002: 238]. В таких произведениях, как «По-осеннему кычет сова...», «Песнь о Великом походе» мы часто наблюдаем мотивы и фразеологию великого творения древности:

*По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани,
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет.
Полевое, степное «ку-гу»,
Здравствуй, мать голубая осина!
Скоро месяц, купаясь в снегу,
Сядет в редкие кудри сына.
(«По-осеннему кычет сова», 1920 г.)*

А темы прославленной русской иконописи (Спас, отрок Христос, Распятие, Троица, Успение Богоматери, Хождения Богородицы по мукам) мы встречаем в поэмах «Октоих», «Инония», «Отчарь». Спас выступает символом многострадальной Отчизны. Чистый красный цвет в стихах С.А. Есенина напоминает о киновари икон, а синева – о русской настенной фреске. Эти средства вступают в сложное соединение с библейской образностью. Именно поэтому, настолько свойственна для поэтических строк Есенина древнерусская и церковно – славянская лексика («синь», «ширь», «гать», «солнь», «выть», «звень», «крепь», «мрять», «темь»).

Под влиянием Н.Клюева все чаще в качестве источника образности выступает религиозная символика, которая вытесняет мир природы или окрашивает его в аскетические религиозные тона. И хотя полной подмены не происходит и связь поэта с конкретной действительностью не порывается,

новые веяния тем не менее оставляют след в его поэтике. Можно отметить, что религиозные мотивы не чужды были С.А. Есенину и до петербургских влияний. Они, однако, не глубоко проникали в систему его образности. Обычно, да и то крайне редкой, поэт не шел дальше заставки, не создавал на ее основе новые образы [Киселева 2006: 129]. Таковы, например, сравнения: *береза – свечка, ива – монашка, стога – церкви, хаты – в ризах образа*. Ни одно из них не развернуто в метафорические образы. Но и тогда, когда поэт делал это, его метафоры носили иронический характер, а не глубоко религиозный, и ставились в такое поэтическое окружение, исключаящее религиозное восприятие мира. Например, «*Петухи запевают стройную обедню*» (стихотворение «В хате»), «*У лесного аналоя воробей псалтырь читает*» (стихотворение «Сохнет стаявшая глина»):

*Пляшет ветер по равнинам,
Рыжий ласковый осленок.
Пахнет вербой и смолою.
Синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналоя
Воробей псалтырь читает.*

Однообразное чириканье воробья уподоблено здесь гнусавому, скучному, бесцветному чтению дьячка, и голос этот заглушается шумами и звуками осенней природы, *опушка леса – аналой, воробей – дьячок*. Две заставки развернуты в единый образ.

В дооктябрьских произведениях С.А. Есенина встречались также церковные имена и обрабатывались связанные с ними легенды («Микола», «Егорий»). Поэт создал ряд стихотворений, запечатлившие отдельные стороны религиозного быта («По дороге идут богомолки», «Заглушила засуха засежки»), но они не имели глубоко религиозного характера, а также не определяли поэтику С.А. Есенина и не вносили в нее чего-либо отличного от тех ее особенностей, которые уже отмечены нами. Напротив, в таких

стихотворениях заметна свойственная русскому крестьянству тенденция к приземлению божественного и религиозного [Шубникова-Гусева 1993: 213].

Другой оттенок имеют стихотворения «Не ветры осыпают пущи», «Чую радуницу божью», «За горами, за желтыми долами», «Занеслися залетною пташкой», в которых сильно чувствуется идейное влияние Николая Клюева. Здесь уже религиозные легенды и образы носят мировоззренческий характер. Краскам живой природы поэт противопоставляет условную символику, заслоняющую реальный мир:

*Не ветры осыпают пущи,
Не листопад златит холмы.
С голубизны незримой кущи
Струятся звездные **псалмы**.*
(«Не ветры осыпают пущи», 1914 г.)

Уже не месяц – всадник и не ягненок гуляет в голубой траве неба, а идет возлюбленная **мати** с **пречистым** сыном на руках, в елях поэту видятся **крылья херувима**, а под пеньком – **голодный спас**. Использованный в стихотворении отрицательный параллелизм только лишь усиливает переориентацию поэта, подчеркивает подмену им живой действительности религиозными мифами.

В другом стихотворении, «За горами, за желтыми долами», вновь утверждается религиозная настроенность поэта, его сочувствие кроткому духу монастырского жителя, жадно слушающего ектенью, а также отказ от своей любви к природе:

*Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь –
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе **монастырь**.*

Выводы по главе I

Лексика – это совокупность слов, связанных различными отношениями, составляющих часть большого, сложного целого – лексико-фразеологической системы русского языка. Слова в русском языке существуют в единой совокупности. Они соединяются в разнообразные группы на основе различных признаков. Одно из выражений системных связей слов – их умение соединяться друг с другом. Закономерности сочетания слов друг с другом выражают системные связи, которые называются синтагматическими. Составная часть общезыковой и лексической системы определяется и изучается в речевой практике, которая оказывает влияние на перемены в языке, содействуя его обогащению, развитию.

С.А. Есенин считал, что истина жизни заключается в единстве всего мира, что «все люди – единая душа», и это понимание, в дальнейшем оказало огромное давление на его поэзию. Автор пришел к хлыстовскому заключению о равенстве человека и Христа, уверяя себя в том, что мир един. Элементы диалектной, рязанской «вязи», древнерусские слова существуют в ранних стихотворениях С.А. Есенина. Находит большое применение архаизированная религиозно-церковная лексика, которая связана с религиозно - обрядческими образами, а также в стихах поэта очень обширно употребляются славянизмы. Церковно-обрядная символика, библейские мотивы обусловили использование старославянской, общеславянской древнерусской лексики как стилеобразующего средства. Следовательно, в стихах поэта чаще, чем у других используются существительные отдельного фонетико-морфологического образования безаффиксного типа. Эти краткие

слова имеют необычную ритмичность из-за корневого ударения и поэтому очень дороги для поэтизации речи.

ГЛАВА II. СОСТАВ И СТРУКТУРА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ И ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ПОЭЗИИ С.А. ЕСЕНИНА

2.1. Типология религиозной лексики в поэзии С.А. Есенина

Путем сплошной выборки мы обнаружили 160 единиц религиозной лексики в поэзии С.А. Есенина: *душа* (32 употребления), *бог* (12 употреблений), *господь* (8), *Спас* (6), *крест* (5), *дух* (5), *рай* (5), *верба* (5), *небеса* (5), *благодать* (5), *монастырь* (4), *церковь* (4), *мука* (4), *божница* (4), *икона* (4), *свеча* (4), *колокола* (4), *черт* (4), *панихида* (3), *ладан* (3), *молитва* (3), *Иисус* (3), *купол (церкви)* (3), *могилы* (3), *божья мать* (3), *ангел* (3), *плоть* (3), *антихрист* (3), *молиться* (3), *канон* (3), *саван* (2), *Христос* (2), *псалмы* (2), *обедня* (2), *образа* (2), *псалтырь* (2), *радуница божья* (2), *богомолки* (2), *хоругвь* (2), *дьякон* (2), *часовня* (2), *мощи* (2), *исцеленье* (2), *грех* (2), *лампадка* (2), *Магдалина* (2), *свечка* (2), *дьявольская* (2), *благословенно* (2), *дар* (2), *кладбище* (2), *завет* (2), *сатана* (2), *слуги боговы* (2), *райский терем* (2), *глава (церкви)* (2), *вечерня* (2), *венчальный переклик*, *ектенья*, *спаситель*, *послушник*, *матушка*, *семик*, *Троица*, *перезвон*, *благовест*, *всенощная*, *помолюсь*, *калики*, *четки*, *монашка*, *скуфья*, *инок*, *скорбь*, *херувим*, *церквушка*, *богомольный*, *радуница божья*, *богородица*, *покров*, *монахи*, *монастырские знаки*, *канон*, *молебен*, *прихожане*, *дьячишко*, *вера*, *Саваоф*, *кутья*, *помин*, *божничный угол*, *скорбь*, *молитословный*, *чудотворные*, *смерть*, *назарет*, *Рождество*, *Симеон*, *монастырские врата*, *Пасха*, *душа божья*, *сетовать*, *мирская весь*, *святой младень*, *библия*, *Исайя*, *свечка чисточетверговая*, *врата господние*, *молитвенник*, *блажен*,

благословенное страданье, благословляющий народ, ряса, Пилат, лама Савахфани, апостол, лампада, хоронить, боже, скит, склеп, погребальный чин, окрестить, отмиценье, колокольня, повенчать, иконный лик, одержимый, падуча, клянущий, кончина, благословить, кладбищенская ограда, заповедь, коран, ад, Иуда, собор, верная раба, святой, здоровье, христиане, милость божья, божий терем, райский сад, чудотворче, ангельские птицы, угодник, нечисть, сила нечистая, труп, вериги, катафалк, колокольня [Есенин 1990].

Среди них используется как общеупотребительная (*крест, глава, дух, спаситель, душа*, и т.д.), так и специальная религиозная лексика: *ектенья, панихида, благовест, скуфья, херувим, псалтырь, радуница божья, молебен, хоругвь, Симеон, Исая, врата господние, ряса, Пилат* [Есенин 1990].

Можно выделить следующие тематические группы религиозной лексики:

1. Номинации религиозных заведений: *монастырь, церковь, церквушка, часовня, собор, скит.*

Эти единицы используются в составе образных выражений: Например: *монастырь* – в стихотворении «На высокой горе монастырь»: здесь земное сливается с небесным.

В стихотворении «Проходили калики деревнями...» *церковь* у С.А. Есенина ассоциируется с чем-то очень светлым и возвышенным. Набожные путешественники не проходят мимо церквей, не воздав усердной молитвы.

В стихотворении «Сторона ль моя, сторонка...»:

Чахнет старая церквушка,

В облака закинув крест.

Лирический герой с нежностью и сочувствием изображает «печальные места», малоурожайную землю: недалеко от леса и речки притулилась деревня, из построек которой упомянута только маленькая церковь. Автор использует глагольную метафору «чахнет» к олицетворенному образу

последней. Художественный прием служит средством, включающим небогатый храм в перечень скромных, ничем не примечательных объектов природного мира.

В стихотворении «Край ты мой заброшенный...» С.А. Есенин отмечает, что такие знакомые и любимые места постепенно становятся пустырем. «*Сенокос некошенный, лес да монастырь*», – такой видятся поэту подступы к селу, в котором, как он утверждает, осталось всего пять хат. Поэт понимает, что в скором времени его родное село окажется стертым с лица земли, т. к. везде царит запустение.

В стихотворении «Запели тесаные дроги...»:

Опять часовни на дороге

И поминальные кресты.

Миниатюрная зарисовка из жизни вчерашнего учителя, наполнена теплотой и легкой грустью. Он вынужден был добираться до дома на телеге. Автор изображает картину пути, который лежит через сельские кладбища с полуразрушенными часовнями и поминальными крестами.

2. Номинации религиозных чинов: *послушник, матушка, калики, монашка, инок, богомолки, монахи, дьячишко, дьякон, апостол.*

Например: *калики* в стихотворении «Проходили калики деревнями... – нищие богомольцы, народные сказители и певцы, которые являются центральным образом произведения. Автор обозначает конкретный маршрут странников, основными пунктами которого является деревня, поле и пастбище.

В стихотворении «Край любимый! Сердцу снятся» С.А. Есенин использует образные и запоминающиеся метафоры, а также сравнивает ивы с «*кроткими монашками*», и описывает простые явления природы так, будто бы она является живым и мыслящим существом.

В стихотворении «Пойду в скуфье смиренным иноком...» *инок* – герой, который постиг вечные непреходящие ценности. Он живет в гармонии с самим собой и Богом.

3. Номинации религиозного лица: апостол, *спаситель, господь, Христос, Иисус, бог, богородица, Саваоф, Магдалина, Симеон, божья мать, Исайя, боже, святой, чудотворче, угодник, херувим, ангел, образа, иконный лик, святой младень.*

Например: стихотворение «За горами, за желтыми долами...»

Помолись пред ликом спасителя

За погибшую душу мою.

Стих проникнут светлой грустью о несбывшемся. Здесь и предчувствие трагической судьбы поэта.

В стихотворении «Шел господь пытаться людей в любви...» Христос является людям после воскресения. Христос выступает в роли странника. Путешествие в образе нищего – лучшее средство для познания простого мира, в котором живут обычные люди.

В стихотворении «Не ветры осыпают пуши...» Христос у С.А. Есенина является странником (а у поэта в этой роли выступают и Николай - Чудотворец, и сам Христос), который всегда страдает, либо готовится к страданию.

В стихотворении «Чую радуницу божью...»:

Под венком, в кольце иголок,

*Мне мерещится **Иисус.***

Центральный эпизодический момент – явление Спасителя потрясенному герою. Фигура Сына Божьего постепенно отделяется от общего пейзажного фона. Характерной деталью образа является венок из хвои, который надет на голову библейского персонажа. С.А. Есенин, заменивший терновый венец более безобидным «аналогом», как будто стремится смягчить, снять остроту трагического будущего, уготованного Иисусу.

В стихотворении «Чую радуницу божью...»:

Голубиный дух от бога,

Словно огненный язык, ...

Кроткий «голубиный дух», дар божественных сил, обладает мощной преобразующей энергией, сравнимой с огненной стихией.

В стихотворении «Чую радуницу божью...»:

Я поверил от рожденья

В богородицын покров.

Здесь идет сравнение по-детски радостных чувств и осознание глубокой веры с религиозным праздником.

В стихотворении «В лунном кружеве украдкой»:

На божнице за лампадкой

Улыбнулась Магдалина.

Для православного понимания Марии Магдалины ключевым остается то, что она является женой–мироносицей, взявшей на себя подвиг служения Богу и людям. Здесь звучит тема, важная для раннего творчества поэта, о единстве двух миров: земного и небесного. Магдалина – одна из тех святых, которые связывают оба эти мира.

А также:

Смерть в потемках точит бритву...

Вон уж плачет Магдалина

Магдалина плачет обо всех погубленных душах, за которые остается только молиться.

В стихотворении «О мать божья...»

О мать божья,

Спади звездой

На бездорожье,

В овраг глухой.

С.А. Есенин использует обращение, взывает о помощи мать божью, просит ее спуститься на землю.

В стихотворении «О пашни, пашни, пашни...»:

И нас со мной Исая

Моих золотых коров.

Заключительный эпизод переносит лирический сюжет в иносказательную плоскость. Финальные строки упоминают о важнейшем обстоятельстве – роде занятий подрастающего героя. Он пас священных животных, «золотых коров», а помощником необычного пастуха был ветхозаветный персонаж. Появление неожиданного образа мотивировано оригинальной авторской концепцией, позиционирующей пророка Исайю как духовного пастыря, который исполняет высокую воспитательную миссию.

В стихотворении «О муза, друг мой гибкий...»:

Апостол нежный Клюев

Нас на руках носил.

С.А. Есенин называет поэта Клюева «*апостолом нежным*». Двух гениев связывали довольно сложные отношения. Поэт сначала считал Николая Алексеевича своим учителем. В 1915–16 гг. они часто вместе публично выступали с чтением стихов. Впоследствии их пути, как творческие, так и личные, то расходились, то вновь перекрещивались.

Стихотворение «О боже, боже, эта глубь – ...» начинается с обращения к небу.

В стихотворении «Да! Теперь решено. Без возврата...» С.А. Есенин с горечью отмечает, что «*на московских извилистых улицах умереть, знай, судил мне Бог*». И в этой фразе нет ни грамма бахвальства или же показного самобичевания. Поэт прекрасно осознает, что его жизнь зашла в тупик, из которого единственным разумным выходом является смерть.

В стихотворении «Мне осталась одна забава...»:

Стыдно мне, что я в бога верил.

Он и признается, что не верит в Бога.

В стихотворении «Ты такая ж простая, как все»:

Твой иконный и строгий лик

По часовням висел в рязанях.

Автор сравнивает образ своей избранницы с церковным ликом.

4. Номинации религиозных праздников: Семик, Троица, Спас, Радуница божья, Покров, Рождество, Пасха.

Например: «Зашумели над затоном тростники...» Семик – четверг седьмой недели после Пасхи, то есть последней недели перед Троицей. С этим днем связано немало обрядов и поверий, в которых сказался культ растений. К этому дню рубили ветки берез и расставляли их по избам. С утра в роще завивали венки из берез, украшали березовые деревца лентами и лоскутками. В этот день девушки часто гадали о своей судьбе, о суженом, в частности – по венкам: их бросали в воду и по тому, всплывет венок или потонет, поплывет вдаль или будет кружиться на одном месте, судили о будущем. Бытовало немало других примет, связанных с поведением леших и домовых в этот день; считалось, например, что много мышей на гумне в семик – к голодному году и т.п.

В стихотворении «Проходили калики деревнями...» Набожные путешественники не могут пройти мимо церквей, не воздав усердной молитвы, поклоняются Спасу – светлому празднику.

В стихотворении «Гой ты, Русь, моя родная...»:

Пахнет яблоком и медом

*По **церквам** твой кроткий **Спас**.*

Поэт отмечает, что ни на что не променяет аромат яблок и меда, который сопровождает летний Спас. Есенин здесь показывает светлый праздник – Спас.

В стихотворении «Сторона ль моя, сторона...»:

Лица пыльны, загорелы,

Веки выглодала даль,

И влилась в худое тело

***Спаса** кроткого печаль.*

Дается портрет путников. Изображение худых, загорелых и запыленных лиц, измученных долгой дорогой, дополнено метафорой «выглодала». Троп аналогичной структуры сообщает о христианском

смирении, сближающим характеры персонажей с кротким образом Спасителя.

В стихотворении «Чую радуницу божью...» зачин указывает на приподнятое настроение лирического «я». Воодушевление вызвано не только предвкушением христианского праздника, но и особой атмосферой ликования, переданной в природных зарисовках. Изображая реакцию героя, поэт избирает глагол «чують». Значение лексемы суммирует комплекс ощущений, основанный на иррациональном восприятии окружающего.

В стихотворении «Чую радуницу божью...»:

Я поверил от рожденья

В богородицын покров.

Здесь идет сравнение по-детски радостных чувств и осознание глубокой веры с религиозным праздником.

5. Номинации церковной службы: *ектенья, панихида, всенощная, обедня, молебен, вечерня.*

В стихотворении «Я последний поэт деревни...» – *«Панихидный справляя пляс»*. Это кощунственная пляска на дорогах автору могилах.

Например: в стихотворении «Троицыно утро, утренний канон...» – *Я пойду к обедне плакать на цветы...* – Отзвук магического обряда, по которому оплакивание принесенных букетов цветов, трав, наломанных ветвей березы должно было вызвать дождь.

В стихотворении «Пахнет рыхлыми драченами...»:

На дворе обедню стройную

Запевают петухи.

Этим выражением он иллюстрирует наступление утра.

6. Номинации религиозных реалий: *божничный угол, божница, крест, ладан, четки, верба, хоругвь, икона, лампадка, свечка, молитвенник, лампада, свеча, вериги, ряса, саван, свечка чисточетверговая.*

В стихотворении «Сторона ль моя, сторонка...»:

*Чахнет старая **церквушка**,*

*В облака закинув **крест**.*

Здесь несомненна связь образа с божественным началом: крест.

В стихотворении «Сохнет стаявшая глина...»:

*«Пахнет **вербой** и смолою»* – имеется ввиду вербное воскресенье.

В стихотворении «Колокольчик, среброзвонный...»:

Колокольчик, среброзвонный,

Ты поешь? Иль сердцу снится?

*Свет от розовой **иконы***

На золотых моих ресницах.

Розовая икона, видимая глазам художника, но «отсутствующая» для всех остальных. Икона – внешнего и внутреннего миров, в которых живет мастер, вполне соответствует мотиву песни и сна.

В стихотворении «Я последний поэт деревни...»:

Догорит золотистым пламенем

*Из телесного воска **свеча**,*

Свеча догорит обязательно, а сама она из «телесного воска», то есть из судеб миллионов людей, сломленных, отвергнутых новым миром. Среди этих людей и сам поэт.

В стихотворении «Душа грустит о небесах...»:

То сучья золотых стволов,

*Как **свечи**, теплятся пред тайной,*

С.А. Есенин сравнивает сучья золотых стволов со свечами.

В стихотворении «Мне осталась одна забава...» устав бороться за свои идеалы, он попросту решил оставить все, как есть, попросив близких лишь об одном – положить его «в русской рубашке под **иконами** умирать».

В стихотворении «Ты такая ж простая, как все...»:

*Я на эти **иконы** плевал,*

Чтил я грубость и крик в повесе,

Множественное упоминание личных местоимений, создают иллюзию личного откровенного разговора. О том, что эта беседа не предназначена для посторонних, говорят упоминания об иконных ликах в часовнях, на которые автор «плевал».

В стихотворении «Спит ковыль. Равнина дорогая»:

*Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут **вербы**, шепчут тополя.*

Автор мысленно обращается к плачущим вербам так знакомым и милым ему с раннего детства.

В стихотворении «Хороша была Танюша, краше не было в селе...»

*Побледнела словно **саван**, схолодела, как роса.
Душегубкою – змеею развилась ее коса.*

Поэт описывает состояние героини весьма ярко и красноречиво, сравнивая ее бледность с саваном – широким одеянием, покровом из белой ткани для покойников.

В стихотворении «О верю, верю, счастье есть!»

*Заря **молитвенником красным**
Пророчит благостную весть.*

Здесь С.А. Есенин сравнивает зарю с молитвенником красным.

7. Номинации нечистой силы: *дьявольская, черт, одержимый, антихрист, сатана, ад, Иуда, нечисть, сила нечистая.*

В стихотворении «Сыпь, гармоника. Скука...Скука...» пытаюсь противостоять соблазнам, автор в порыве озлобления восклицает: «*Я с собой не покончу, иди к **чертям!***». Это обращение адресовано к одной из дам легкого поведения, которая все же не лишена интеллекта, и откровенно издевается над Есениным, доводя его своими едкими фразами до бешенства.

8. Номинации церковных писаний: *завет, заповедь, коран, библия.*

В стихотворении «О пашни, пашни, пашни...»:

И мыслил и читал я

По библии ветров,

Субъект речи концентрирует внимание на особенностях воспитания юного лирического «я». Мальчик пытается прикоснуться к тайнам природы. Процесс обучения получает романтическую трактовку: он связан с постижением силы и направления ветра. Практические упражнения ассоциируются с традиционными уроками чтения Библии.

9. Номинации церковных частей сооружений: *глава (церкви), купол (церкви), колокола, монастырские врата, колокольня.*

Например: в стихотворении «На высокой горе монастырь» – «*над церковными главами*»: здесь земное сливается с небесным.

В стихотворении «Сторона ль ты моя, сторона! ...»

Сторона ль ты моя, сторона!

Дождевое, осеннее олово.

В черной луже продрогший фонарь

Отражает беззубую голову.

Нет, уж лучше мне не смотреть,

Чтобы вдруг не увидеть хужего.

Я на всю эту ржавую мреть

Буду щурить глаза и суживать.

Так немного теплей и безбольней.

Посмотри: меж скелетов домов,

*Словно мельник, несет **колокольня***

*Медные мешки **колоколов.***

Зловещему образу фонаря противопоставлен образ *колокольни*. Если его искусственный свет – от лукавого, то ее свет невидимый, духовный – от бога.

10. Номинации верующих: *прихожане, христиане, слуги боговы, верная раба, смертные девы, богомольный, молитословный.*

В стихотворении «Сторона ль моя, сторона...»:

С подождочка и котомки

Богомольный *льется пот.*

Появляются богомольцы – персонажи, причастные к таинствам веры, носители истинных религиозных чувств. Их образы также «вырастают» из природного окружения: после упоминания о весеннем половодье возникает метонимическая, подчеркнута прозаическая деталь – пот. Интересно, что он льется не с лиц или тел странников, а с их атрибутов: посошков и котомок.

11. Рай: *благодать, рай, небеса, врата господние, райский терем, божий терем, райский сад, ангельские птицы.*

В стихотворении «Чую радуницу божью...»:

Он зовет меня в дубровы,

*Как во царствие **небес**,...*

Здесь С.А. Есенин использует прием сравнения – обожествляет простые дубровы, сравнивая их с царствием небес.

В стихотворении «Гляну в поле, гляну в небо...»:

Гляну в поле, гляну в небо –

*И в полях и в небе **рай**.*

Нередко в лирике поэта встречаются космические пейзажи, небесные явления. Космическая модель мира, которой придерживался С.А. Есенин, включает в себя две части – небо и землю. При этом верхний и средний ярусы тесно взаимосвязаны. В рассматриваемом произведении лирический герой утверждает, что «...и в полях и в небе **рай**».

В стихотворении «Душа грустит о небесах...»:

«*Душа грустит о небесах*» – Есенин сравнивает *небеса* с счастьем обретения духовного прозрения, обретения Господа.

В стихотворении «Мы теперь уходим понемногу»:

Мы теперь уходим понемногу

В ту страну, где тишь и благодать.

Очень осторожно упоминается «та страна», страна усопших. «*Тишь и благодать*», царящие там – это ниспосланная Господом награда за земную жизнь.

12. Номинации священного города: Назарет.

13. Духовность: дух, душа, вера, душа божья, молитва.

В стихотворении «За горами, за желтыми долами...»

Помолись пред ликом спасителя

За погибшую душу мою.

Стих проникнут светлой грустью о несбывшемся. Здесь и предчувствие трагической судьбы поэта.

В стихотворении «Выткался на озере алый свет зари...» на *душе* лирического героя светло. Причиной тому – любовь. Юноша с нетерпением ждет свидания с дорогой сердцу девушкой. Чувства переполняют его. Персонаж погружен в мечты, касающиеся их совместного времяпрепровождения.

В стихотворении «Сыплет черемуха снегом...» на *душе* радость, вызванная наступившей весной – порой обновления, перерождения, любви. Лирический герой одурманен ей. Мысли молодого человека заняты только невестой, именно о ней он готов бесконечно петь.

В стихотворении «На плетнях висят баранки...» Образ любимой девушки у поэта в финале произведения трансформируется в образ Руси. И это не случайно, ведь у родины поэта – женское лицо. Она строга и своевольна, но при этом щедра на ласку, заботлива и терпелива. Поэтому, обращаясь к сельской России, неприхотливой и выносливой, С.А. Есенин просит: «*Не суди молитвой строгой напоенный сердцем взгляд*».

В стихотворении «Край любимый! Сердцу снятся» – *Рад и счастлив душу вынуть* – Тем самым, он подчеркивает, что смирился со своей судьбой

и готов выполнить ее волю, даже если она идет вразрез с его желаниями и стремлениями.

В стихотворении «Чую радуницу божью...»:

Голубиный дух от бога,

Словно огненный язык,...

Кроткий «голубиный дух», дар божественных сил, обладает мощной преображающей энергией, сравнимой с огненной стихией.

В стихотворении «Черная, потом пропахшая выть...»:

«Выйду на озеро в синюю гать, к сердцу вечерняя льнет *благодать*», – отмечает поэт. Природа словно бы дарит всем сельским тружениками удивительное чувство радости и умиротворения. В такие вечера нет ничего лучше, чем сидеть у костра и слушать рассказы, как это делают уставшие за день косари.

В стихотворении «В лунном кружеве украдкой»:

Помяни мою молитву

Тот, кто ходит по долинам.

Речь идет обо всех погубленных душах, за которые остается только молиться.

В стихотворении «Душа грустит о небесах...»:

«*Душа грустит о небесах*» – С.А. Есенин обрисовывает здесь душу как духовное прозрение, обретение Господа.

В стихотворении «Не жалею, не зову, не плачу...»:

Дух бродяжий! Ты все реже, реже

Расшевеливаешь пламень уст.

Автор отмечает, что даже дух бродяги, присущий ему с рождения, все реже и реже заставляет своего обладателя совершать поступки, достойные истинного поэта.

В стихотворении «Я обманывать себя не стану...»:

Для зверей приятель я хороший,

*Каждый стих мой **душу** зверя лечит.*

Только с животными у героя возникает взаимопонимание и дружба, он для них «*приятель хороший*», так как каждый его стих «*душу зверя лечит*».

В стихотворении «Несказанное, синее, нежное...»:

И душа моя – поле безбрежное –

Дышит запахом меда и роз.

Разговор с собственной душой. На протяжении всего текста лирический герой периодически обращается к ней. Она предстает как некто, реально существующий, будто лучший друг, верный спутник. Долгой и бурной была совместная дорога, но пришло время успокоения. Необходимо сделать остановку, отдышаться, разобраться в том, что случилось.

В стихотворении «Каждый труд благослови, удача!...»:

Лирический герой стихотворения осознает, что оторвался от корней, стал далек от настоящей деревенской жизни. Он называет себя всего лишь «*праздным соглядатаем*». Вместе с ним грустит природа: «*поднявшись над болотом, в душу плачут чибис и кулик*».

В стихотворении «Жизнь – обман с чарующей тоскою...»:

Холодят мне душу эти выси,

Нет тепла от звездного огня.

Душа С.А. Есенина настолько изранена, что он больше не хочет испытывать боль и мечтает о поистине христианском смирении.

В стихотворении «Никогда я не был на Босфоре», какой бы прекрасной ни была Персия, герою родные просторы все равно дороже: в душе его звучит тальянка.

В стихотворении «Синий туман. Снеговое раздолье...»:

Вот отчего я чуть-чуть не заплакал

И, улыбаясь, душой погас, –

возможно, неподвижность нарисованной картины связана с остановкой лирического героя – он замирает, чтобы осмыслить свою жизнь, поразмышлять на тему смерти, подумать о прошлом и будущем.

14. Номинации религиозных действий: *молиться, благословить, клянуп, повенчать, окрестить, сетовать.*

В стихотворении «Мне осталась одна забава...» поэт сожалеет о том, что ему так и не удалось «розу белую с черной жабой... на земле **повенчать**».

15. Грехи: *отмищенье, грех.*

В стихотворении «Покраснела рябина...»:

Дня закатного жертва

*Искупила весь **грех**.*

Лебедь принес благую весть о возрождении родной земли, которое стало возможным после нового явления Спаса и его искупительной жертвы.

16. Номинации божьей награды: *дар, милость божья, исцеленье, здравье.*

В стихотворении «Пушкину»:

*Мечтая о могучем **даре***

Того, кто русской стал судьбой,

Здесь сформулирована однозначная оценка таланта классика, позиционируемого как эталон, образец для подражания. Адресат обладает непревзойденным «могучим **даром**» творца – настолько совершенным, что его последователи способны приблизиться к нему лишь в мечтах.

Некоторые лексемь и единицы мы уточняли по словарям.

Некоторые слова вызывают сомнения: *мощи, саван, скорбь, кутья, помин, хоронить, склеп, погребальный чин, кладбище, кончина, кладбищенская ограда, траурный забор, погребальная грусть, гроб, кладбищенский снег, могила, труп, мертвец, плоть, катафалк.*

Например: в стихотворении «Шел господь, питать людей в любви...» стиль варьируется в зависимости от персонажа. Для Господа подобрана высокая лексика: «**скорбь и мука**».

В стихотворении «Покраснела рябина...»:

Чудотворные мощи

Он принес на крылах.

Здесь мощи святого выступают как атрибут православного мировосприятия.

В стихотворении «Закружилась листва золотая...» поэт отмечает, что *«еще никогда бережливо так не слушал разумную **плоть**»*. Этой фразой он подчеркивает, что окружающая природа гораздо мудрее человека, и у нее следует поучиться не только сдержанности, но и той тихой радости, которую она умеет дарить так щедро и безвозмездно.

В стихотворении «Вот она, суровая жестокость...» С.А. Есенин сравнивает *телеги – с катафалками, овин – с могильным склепом*, а так же *снопы сопоставляются с желтыми трупами*.

В стихотворении «Гори, звезда моя, не падай...» – *«Но, погребальной грусти **внемя,**»* автор проводит параллель с предчувствием приближающейся смерти.

А также в строках:

Ни по моей, ни чьей вине

*Под низким **траурным забором***

Лежать придется так же мне.

Лирический герой утверждает, что вскоре предстоит ему лежать *«под низким **траурным забором**»*. По его словам, в том нет ничьей вины.

В стихотворении «Ну, целуй меня, целуй...» С.А. Есенин особенно остро ощущает, насколько скоротечна жизнь, и понимает, что она может оборваться в любой момент. Поэтому он хочет получить от нее все, что возможно, заявляя: *«До **кончины** губы милой я хотел бы целовать»*. Поэт рассчитывает на то, что найдет понимание со стороны своей избранницы, которая действительно готова ради него поступиться собственными принципами и забыть о хороших манерах.

Несомненно, эти единицы употребляются в контексте православного мировоззрения, но их сложно отнести строго к религиозной лексике.

Употребляется множество библейских имен собственных: *Иисус, Иуда, Саваоф, Симеон, Исая, Пилат, Назарет*.

Кроме слова *Иисус*, другие имена сложно проверить в религиозной символике.

Мы выяснили религиозное наполнение: например, *Саваоф* – одно из имен Бога в иудаической и христианской традициях. (словарь мифов народов мира);

Так же можно заметить, что большинство единиц тематической группы религиозной лексики – это сущ. –118 употреблений.

Однако использовались и гл. (7 употреблений) и прил. (31употребление).

2.2. Религиозная лексика в сравнениях, метафорах, эпитетах

В любом языке существуют специальные средства для усиления его изобразительности и выразительности. К таким средствам в первую очередь относятся различные тропы. Метафора, вид тропа, является одним из самых ярких и выразительных способов создания художественного текста. Существуют разные виды и способы классификации метафоры. В первую очередь, метафора бывает простой и развернутой, общеязыковой и индивидуально-авторской. Используя индивидуально-авторские метафоры, поэты достигают неповторимой образности и наглядности стихотворного текста, такой текст, проще воспринимается, производит на читателя больший эффект и надолго остаётся в памяти. Поэтические метафоры помогают авторам поделиться с читателям своим видением окружающего мира, но, в то же время, это и способ выразить свой литературный талант. Применяя теорию метафоры к поэтике С.А. Есенина, можно заметить, что творчество поэта изобилует метафорами [Вдовин 1975: 241].

Излюбленный – и быть может единственный – прием, которым оперирует автор – метафора. Он как будто специализировался на нем. У него

огромное словесное воображение, он любит эффекты, неожиданные сопоставления и трюки, здесь он – неисчерпаем, часто остроумен, всегда дерзок.

Более тонко проведен ряд метафор, быстрыми, всегда неожиданными переходами из одной плоскости в другую, – из религии в быт и из быта в религию, поэт пытается снять разделяющую их грань: русский пейзаж становится храмом, убогий и унылый крестьянский быт – богослужением в нем. Подмен живописи иконописью, растворение крестьянского быта в «литургии» определяют собой всю систему образов. Контуры Христова Лица слагаются из линий полей, оврагов, лесов: рисунок, данный Блоком в «Стихах о России» бережно сохраняется С.А. Есениным. Он только разрабатывает детали, подчеркивает неуловимые штрихи, нагромождает параллели. Его пейзаж слишком вырисован, перегружен, натуралистичен. Тожество: «природа России – Богородицын покров» распространяется на все мелочи. Поэт считает себя обязанным каждую березу, каждую поросшую мхом кочку интерпретировать мистически. Приемы чисто словесные: кропотливо записывается «земной» вид: деревья, гумно, поле, но он весь – сквозной: через метафоры просвечивает небо [Захарова 2009: 180]. Вот пример:

Под соломой – ризою

Выструги стропил,

Ветер плесень сизую

Солнцем окропил.

(Край ты мой заброшенный, 1914 г.)

Здесь грузный реализм описания заслоняет еще заключенное в нем священнодействие. «*Риза*» и «*окропил*» смутно на него намекают.

В других стихах эта «литургичность» природы выявляется полнее. Сопоставим несколько образов: «*Звенят родные степи молитвословным ковылем*», «*Мир вам, рощи, луга и липы, Литии медовый ладан*», «*Я пришел в твоей вечерне, полевая глухомань*», *Ты, как и я, в печальной требе... о*

розовом тоскуешь небе», «Выплыл мрак. Чудотворные мощи он принес на крылах», «Заря молитвенником красным пророчит благостную весть», «За прощальной стою обедней кадящих листвою берез». Поэтому и звезда горит «свечкой» («свечкой чисточетверговой над тобой горит звезда» или: «Вечер синюю свечкой звезду засветил»), и ночной холодок стелется «синюю рясою», и ветер «панихидный справляет пляс», и поэт не просто пьет воду, а «причащается у ручья» – Впрочем, мистика С.А. Есенина дальше словесного эффекта не идет. В его «образности» – нарочитость не искупается пафосом веры, «церковность» вмещает слишком уж много и ей не доверяешь.

«У лесного аналоя

Воробей псалтырь читает»

(«Сохнет стаявшая глина», 1914 г.)

«Пухнет божье имя

В животе овцы»

(«Тучи с ожереба...», 1917 г.) –

и это кажется чудовищной безвкусицей. Например у Блока – Христос ходит по голым русским степям, плывет, распятый, по глади ее свинцовых рек в «цепях и розах», стоит за окошком тюрьмы, ведет двенадцать разбойников сквозь снежную вьюгу. Есенин варьирует эти мотивы. «За горой нехоженой, в синеве долин снова мне, о Боже мой, предстоит Твой Сын». Он спрашивает себя: «В каждом страннике убогом не помазанный ли Богом стучит берестяной клюкой?» И верит, что «Господь – нищий с клюкою железной» [Волков 1976: 134]. Особенно напоминают Блока стихи:

И целует (ветер) на рябиновом кусту

Язвы красные незримо Христу.

(«Осень («Тихо в чаще можжевеля по обрыву»)), 1914 – 1916 г.)

Концепция С.А. Есенина завершается пророчеством. В нем – объяснение и его мифологии и его «богослужения». Россия – Назарет: в «мужицких» яслях рождается Христос [Арутюнова 1990: 186].

Живописные – все эти телята, кобылы, ослята – склоняют колени перед Иисусом. Оттого и звуки сливаются в молитву, и движения торжественны, как церковный обряд. В мире совершается таинство [Бельская 1986: 153].

*Верю: завтра рано
Чуть забрезжит свет,
Новый под туманом
Вспыхнет Назарет.
Новое восславят
Рождество поля.
(«Тучи с ожереба», 1917 г.)*

Революция показалась поэту исполнением этого пророчества. В сборнике «Февраль» он восклицает, ликуя:

*В мужичьих яслях
Родилось пламя
К миру всего мира!
Новый Назарет перед вами.
(«Певущий зов», 1917 г.)*

Исполнились сроки, сбылось писание: избранный народ «чудотворец», «широкоскулый и красноротый» принял в свои «корузлыя руки» Младенца. Значит, правда, что «деревянная Русь» – рай, что русский мужик – священен и величав, как библейские пастыри. Вот «рыжий дед» автора сидит под Маврикийским дубом и

*светит его шуба
Горохом частых звезд.
(«Октоих», 1917 г.)*

После дней крови – Страстей Господних – должно наступить «Преображение» русской земли. И неожиданный финал: в поэме «Инония», написанной немногим позже. С.А. Есенин, кощунствуя, отрекается от Христа и проповедует «иное учение»:

Наша вера – в силе

Наша правда – в нас!

В лирике 1914 г. выразилось светлое, радостное отношение поэта к миру как Божьему Дару метафорой – (*«Все встречаю, все приемлю, / Рад и счастлив душу вынуть»*) [Лубянская 1987: 312].

«Выйду на озеро в синюю гать, / К сердцу вечерняя льнет благодать – данной метафорой выражено чувственное отношение поэта к миру земной гармонии. В стихотворении «В хате» образ крестьянского лада и райской благодати складывается из многочисленных бытовых деталей, метафор. Восприятие крестьянского рая, адекватного раю небесному, воссоздано в стихотворении «Гой ты, Русь моя родная...»: *«Если крикнет рать святая: / «Кинь ты Русь, живи в раю!» / Я скажу: «Не надо рая, / Дайте родину мою»* [Сохряков 1995: 128].

Пейзажная метафора соединена с евангельскими образами: в стихотворении «Сохнет стаявшая глина...» образ ветра, *«рыжего ласкового осленка»*, сочетается с образом Христа (*«Кто-то в солнечной сермяге / На осленке рыжем едет»*), которому поклоняется вся природа (*«Никнут сосны, никнут ели / И кричат ему: «Осанна!»*). В стихотворении «Чую радуницу Божью...» природа – олицетворение Христа: *«Между сосен, между елок, / Меж берез кудрявых бус, / Под венком, в кольце иголок, / Мне мерещится Иус»*.

Язык С.А. Есенина прозрачен, ясен; обращаясь к метафизическим темам, он избегал недоговоренности, двусмысленности образа.

Россия в лирике поэта уже не только страна кроткого Спаса, но и мятежников. Автор теперь считал, что *«Не одна ведет нас к раю / Богомольная тропа»*; другая тропа – *«железного звона цепей»*. Черная Россия, разбойная Россия стала олицетворением вольницы [Коржан 1977: 80].

В религиозно-революционных поэмах «Товарищ», «Певущий зов», «Отчарь», «Октоих», «Пришествие», «Преображение», «Сельский часослов»,

«Инония», «Иорданская голубица», «Небесный барабанщик», «Пантократор» говорилось о Богом избранной стране России, предназначенной быть земным раем: *«Осанна в вышних! / Холмы поют про рай. / И в том раю я вижу / Тебя, мой отчий край» («Октоих»)*.

Февральская революция трактовалась С.А. Есениным как революция мужика – старообрядца: *«Но гонишь ты лихо, / Двуперстым крестом» («Отчарь»)*. Русский мужик представал в поэмах и чудотворцем, и ловцом вселенной, и библейским пастухом. Этот мужик принимал в свои «корузные руки» младенца Иисуса, да и родился Христос в «мужичьих яслях». В написанной в 1917 г. поэме «Товарищ» Иисус идет на борьбу «за волю, за равенство, за труд» вместе с Мартином и гибнет за республику, которая отныне подменяет христианское понятие Воскресения [Козловский 1984: 216].

Послереволюционная Россия – новый Назарет: *«Новый Назарет / Перед вами. / Уже славят пастыри / Свет за горами» («Певущий зов»)*, *«Радуйся, Сионе, / Проливай свой свет! / Новый в небосклоне / Вызрел Назарет» («Инония»)*. Революция отождествляется с Преображением и Рождеством. Рождение новой России – вселенское явление; в поэмах и стихотворениях С.А. Есенина появился образ ожеребившегося новым Назаретом неба, отелившегося Россией Господа, что соответствовало есенинскому мифу о крестьянском коровьем боге.

Есенинскую утопию Инонию населяют сверхчеловеки – божества, способные плугом вместе с солнцем распахать «ночь», мыть свои руки и волосы *«из лоханки второй луны»*, раскусить месяц, «как орех», *«на пики звездные»* вздыбить землю, млечный прокусить покров, вытянуть язык «кометой», разломать пополам «нашу мать – землю», надеть на земную ось «колесами солнце и месяц», встряхнуть за уши горы [Чернявский 1986: 165]. У новых людей – иные религиозные символы, потому старые отрицаются: *«Проклинаю я дыхание Китежа / И все лощины его дорог»*, *«Языком вылижу на иконах я / Лики мучеников и святых»*, *«Проклинаю тебя я, Радонеж, /*

Твои пятки и все следы!» Сам поэт – из ангельской рати: *«Грозовой расплескались вьюгою / От плечей моих восемь крыл»*.

В июне 1918 г. в газете «Знамя труда» была опубликована поэма С.А. Есенина «Сельский часослов», в которой, помимо темы Третьего Завета, было выражено и некоторое смущение лирического героя по поводу своей религиозной революционности: *«О красная вечерняя заря! / Прости мне крик мой»*. Поэт в замешательстве, он усомнился и в библейской, пастушеской избранности крестьянина: *«Пастухи пустыни – / Что мы знаем?... / Только ведь приходское училище / Я кончил, / Только знаю Библию да сказки, / Только знаю, что поет овес при ветре... / Да еще / По праздникам / Играть в гармошку»*.

«Мир таинственный, мир мой древний...» (1922) представляет конфликт города и деревни как метафизическую трагедию: город не просто–железный враг, он еще и дьявол (*«Жилист мускул у дьявольской выи»*). Победа железного, то есть неживого, ассоциировалась в сознании поэта с социализмом «без мечтаний» [Зуев 1990:38].

«Отрок – ветер по самые плечи / Заголил на березке подол, «За голые колени / Он обнимал меня» (береза о пастухе).

Объяснение приоритетности метафоры в поэтике С.А. Есенина мы находим в его статье «Ключи Марии» (1918): поэт пишет об образе, отражающем двуми́рность бытия, видимую реальность и скрытую, земную и небесную. Такое метафорическое понимание мира он усматривает уже в образах «Голубиной книге». Поэт объясняет ассоциативные тропы спецификой сознания. Например, *конек на избе крестьянина* – это, по сути, метафора крестьянского мировосприятия, обращенного к небу и укорененного в земле [Овчинников 1982: 140].

Скорее, в есенинском понимании метафоры сказалась романтическая традиция. Как писал В. Жирмунский: «Для романтиков такая метафора – не поэтический вымысел, не произвольная игра художника, но подлинное прозрение в таинственную сущность вещей, в мистическую жизнь природы

как живого, одушевленного, Божественного целого, в религиозную тайну любви, для которой возлюбленная – сказочная царевна, Прекрасная Дама» [Павловский 1997:78].

В «Ключах Марии» (1918) С.А. Есенин предложил свою классификацию образов. Корабельные, заставочные и ангелические образы соотнесены им с понятиями «душа», «плоть», «разум». Заставочный предполагает простое уподобление, корабельный фиксирует сопряжение понятий по смыслу, динамику образных сопряжений, в ангелическом сопряжение произошло и родился новый образ. Все три типа образотворчества отвечают, по сути, понятию метафоры, особенно ангелический.

И в раннем и в позднем творчестве более всего глагольных метафор. Например: «*Чахнет старая церквушка, / В облака закинув крест*» («Сторона ль моя, сторонка...», 1914 г.)

Развернутые, например «*Схимник-ветер шагом осторожным / Мнет листу по выступам дорожным / И целует на рябиновом кусту / Язвы красные незримо Христу*» («Осень», 1914 г.);

В есенинском творчестве можно сгруппировать метафоры по тематическому принципу. Причем его метафора, как правило, одушевляющая, наиболее частая у романтиков; благодаря ей раскрывается тема тотальной одухотворенности природы – живой и мертвой. К. Мочульский в 1923 г. выделил два тематических типа метафор в текстах С.А. Есенина: зоологическое претворение мира; литургическое отношение к миру, взаимопроникновение бытового и религиозного смыслов [Сохряков 1995: 101].

В первом типе встречаются образы, в которых натурализм вычурен, экспрессивен: «*Осень – рыжая кобыла – чешет гриву*» («Осень», 1914 г.); «*Веки выглодала даль*» («Сторона ль моя, сторонка...», 1914 г.); «*Лижут сумерки золото солнца*» («По дороге идут богомолки...», 1914 г.); «*Красный костер окровил таганы, / В хворосте белые веки луны*» («Черная, потом

пропахшая выть...», 1914 г.). Есть лейтмотивные метафоры: «*Чистит месяц в соломенной крыше / Обойменные синью рога*» («Гаснут красные крылья заката...», 1916 г.); «*Месяц рогом облако бодает*» («Месяц рогом облако бодает...», 1916 г.); «*В затихшем озере с осокой / Бодаются его рога*» («За темной прядью перелесиц...», 1916 г.); «*Две луны, рога свои качая*» («Мечта», 1916 г.). Заметим, что в есенинском словаре метафор есть и такие, которые придают космическому пространству бытовой план, таким образом вселенная уподобляется крестьянскому миру: «*Льется солнечное масло / На зеленые холмы*» («Наша вера не погасла...», 1915 г.); «*Небо сметаной обмазано, / Месяц как сырный кусок*» («Небо сметаной обмазано...», 1916 г.); «*Ковригой хлебную под сводом / Надломлена твоя луна*» («О край дождей и непогоды...», 1917 г.).

Метафор, передающих литургическое преобразования мира, так же много, как и предыдущих. Например: «*Заунывным карком / В тишину болот / Черня глухарка / К всенощной зовет*» («Дымом половодье...», 1910 г.); «*И с хором птичьего молебна / Поют ей гимн колокола*» («Чары», 1913–1915 г.); «*Струятся звездные псалмы*» («Не ветры осыпают пуши...», 1914 г.); «*Причащаюсь у ручья*» («Я пастух, мои палаты...», 1914 г.); «*Я пришел к твоей вечерне, / Полевая глухомань*» («Алый мак в вечерней черни...», 1915 г.); «*Панихидный вихорь плачет у окна*» («Закружилась пряжа снежистого льна...», 1916 г.); «*Где вербы чётки уронили*» («В зеленой церкви за горой...», 1916 г.); «*Свечкой чисточетверговой / Над тобой горит звезда*» – данной метафорой показывает сравнение горящей звезды со свечкой чисточетверговой. («Серебристая дорога...», 1918 г.) и др.

«*Заунывным карком в тишину болот черная глухарка к всенощной зовет*» данная метафора показывает крик глухарки, напоминающий призыв к молитве...

«*Прячет месяц за овинами желтый лик от солнца ярого*». Именная метафора «*жёлтый лик*» обозначает здесь диск солнца, но, благодаря скрытому сравнению с человеческим лицом, солнце становится одним из

героев этого стихотворения. В этом сравнении мы находим отклики язычества и народной поэзии тех времен, когда люди почитали небесные светила, как богов.

Теперь бы брызнуть в небо

Вишневым соком стих.

(«О муза, друг мой гибкий...», 1917 г.)

Образ неба здесь даёт нам понять, что поэт хочет превознести и воспеть своих учителей.

Развернутая метафора – характерная черта поэзии С.А. Есенина. Метафоры у поэта бывают как глагольными так и именными, в его поэтических текстах также часто встречается метафорический эпитет. С точки зрения семантики есенинские метафоры бывают как олицетворяющими так и неоллицетворяющими, однако в описаниях природы мы чаще всего встречаемся с олицетворением. Это можно объяснить тем, что поэт любил и понимал природу, а также использовал богатый опыт народной поэзии, в которой природа часто наделена магическими силами и действует самостоятельно наравне с другими лирическими героями. Несмотря на то что, в поэтике С.А. Есенина встречаются метафоры и общеязыкового характера, гораздо чаще мы видим индивидуально-авторские метафоры, в них раскрывается талант и одарённость поэта, его мировосприятие и глубина чувств. Определяя место и значимость метафоры в поэтике автора, можно с уверенностью сказать, что именно благодаря ей в лирике С.А. Есенина наблюдается удивительная гармония внешней формы стиха и его содержания, гармония чувств и образов [Винокуров 1986: 46].

В поэме «Инония» социализм кажется ему блаженным *«мужицким раем»*.

«Гой ты, Русь моя родная...» С самого начала Русь здесь предстает как нечто святое, ключевой образ стихотворения – сравнение крестьянских хат с иконами, образами в ризах, и за этим сравнением – целая философия, система

ценностей. Мир деревни – это как бы храм с его гармонией земли и неба, человека и природы.

С.А. Есенин болезненно переживает отчуждение от родного края, ему трудно найти общий язык с новым поколением, для которого календарный Ленин на стене заменяет икону, а «пузатый *«Капитал»* – Библию.

С голубизны незримой кущи

Струятся звездные псалмы.

(«Не ветры осыпают пущи...», 1914 г.)

Тихо – тихо в божничном углу,

Месяц месит кутью на полу.

(«Ночь и поле, и крик петухов.», 1917 г.)

В этом стихотворении «месяц» и «кутья» взаимосвязаны древними поверьями. Месяц – в народных представлениях ассоциируется с загробным миром, а кутья – блюдо, которое готовят для поминок умерших людей. Также в произведениях наряду с небесными явлениями упоминаются и «райские жители»:

О мать божья,

Спади звездой

На бездорожье,

В овраг глухой.

(«О мать божья...», 1917 г.)

О дева Мария! –

Поют небеса.

(«Октоих», 1917 г.)

Религиозные обряды и праздники:

Свечкой чисточетверговой

Над тобой горит звезда.

(«Серебристая дорога», 1918 г.)

С.А. Есенин при описании народных весенних праздников, упоминает березу в значении этого символа в стихотворениях «Троицыно утро...» (1914 г.) и «Зашумели над затоном тростники...» (1914 г.)

Троицыно утро, утренний канон,

В роще по березкам белый перезвон.

В стихотворении «Зашумели над затоном тростники» идет речь о важном и увлекательном действе семицко-троицкой недели – гадании на венках.

Погадала красна девица в семик.

Расплела волна венки из повилик .

Девушки плели венки и бросали их в реку. По далеко уплывшему, прибывшему к берегу, остановившемуся или потонувшему венку, судили об ожидавшей их участи (дальнее или ближнее замужество, девичество, смерть суженого).

Автор умеет использовать метафору исключительно тонко для создания поэтического настроения. В поэзии С.А. Есенина нас покоряет и захватывает в «песенный плен» удивительная гармония чувства и слова, мысли и образа, единство внешнего рисунка стиха с внутренней эмоциональностью, душевностью [Карпов 1989:103].

Эпитеты, сравнения, метафоры в лирике поэта существуют не сами по себе, ради красивой формы, а для того, чтобы полнее и глубже выразить себя. Отсюда стремление к всеобщей гармонии, к единству всего сущего на земле. Поэтому один из основных законов мира С.А. Есенина – это всеобщий метафоризм (что позже приведет поэта к имажинистам) [Арнаутов 1970: 167].

В «Небесном барабанщике» почти отсутствуют образы, навеянные старой христианской поэтикой. («Сердце - свечка за обедней», – этот, да еще

два – три подобных образа только, пожалуй, и встретишь во всем стихотворении.

Есенинская метафора бывает и именной и глагольной, каждая из которых в свою очередь подразделяется на не олицетворяющуюся и олицетворяющуюся. Именная не олицетворяющая: «снег черемухи» – цветы и олицетворяющая: «*желтый лик*» – диск месяца, глагольная не олицетворяющая: «*сокроюсь могилей*» – умру и олицетворяющая: «*колокола заплакали*» – зазвонили [Арутюнова 1990: 106].

О дева Мария! – поют небеса

(«*Октоих*», 1917 г.)

В данном примере С.А. Есенин в стихотворении «октоих», очень красиво изобразил песнь небес, наделил их голосом и живостью.

В стихотворении «Сторона ль моя, сторонка...»:

Чахнет старая церквушка,

В облака закинув крест.

Данной метафорой Есенин изображает старую церковь, кресты которой возвышаются к облакам.

В стихотворении «Край любимый! Сердцу снятся» поэт использует образные и запоминающиеся метафоры, сравнивая *ивы* с «*кроткими монашками*», и описывая простые явления природы так, словно бы она является живым и мыслящим существом.

В стихотворении «Пойду в скуфье смиренным иноком...» метафора – *пойду смиренным иноком* – показывает нам героя, постигшего вечные непреходящие ценности, живущего в гармонии с самим собой и Богом.

Метафорой «*Шел господь пытать людей в любви*» С.А. Есенин изображает Христа, явившегося людям после воскресения, познающего простой мир, для узнавания, чем живут обычные люди.

В стихотворении «Чую радуницу божью...»:

Голубиный дух от бога,

Словно огненный язык, ...

Данной метафорой автор показывает нам кроткий «голубиный дух», наделенный даром божественных сил, обладающий мощной преображающей энергией, сравнимой с огненной стихией.

В стихотворении «В лунном кружеве украдкой»:

На божнице за лампадкой

Улыбнулась Магдалина.

С.А. Есенин использует прием олицетворения. Здесь звучит тема, важная для раннего творчества поэта, о единстве двух миров: земного и небесного. Магдалина – одна из тех святых, которые связывают оба эти мира.

А также:

Смерть в потемках точит бритву...

Вон уж плачет Магдалина

(«В лунном кружеве украдкой», 1915 г.)

Данной метафорой С.А. Есенин показывает приближение смерти погубленных душ, о которых плачет Магдалина.

В стихотворении «О мать божья...»

О мать божья,

Спади звездой

На бездорожье,

В овраг глухой.

Поэт использует обращение, взывает о помощи мать божью, просит ее спуститься на землю.

В стихотворении «О муза, друг мой гибкий...»:

Апостол нежный Клюев

Нас на руках носил.

Данной метафорой С.А. Есенин сравнивает поэта Клюева с «апостолом нежным».

В стихотворении «Ты такая ж простая, как все»:

Твой иконный и строгий лик

По часовням висел в рязанях.

Данной метафорой автор сравнивает образ своей избранницы с церковным ликом.

В стихотворении «Сторона ль моя, сторона...»:

Лица пыльны, загорелы,

Веки выглодала даль,

И влилась в худое тело

Спаса кроткого печаль.

Дается портрет путников. Изображение худых, загорелых и запыленных лиц, измученных долгой дорогой, дополнено метафорой «**выглодала**». Троп аналогичной структуры сообщает о христианском смирении, сближающим характеры персонажей с кротким образом Спасителя.

В стихотворении «Я последний поэт деревни...» – «**Панихидный справляя пляс**» – метафора, изображающая кощунственную пляску на дорогих автору могилах.

В стихотворении «Пахнет рыхлыми драченами...»:

На дворе обедню стройную

Запевают петухи.

Данной метафорой С.А. Есенин сравнивает петухов с певчими в церкви, которые поют обедню. Их объединяет песня.

В стихотворении «Я последний поэт деревни...»:

Догорит золотистым пламенем

Из телесного воска свеча,

Данной метафорой поэт изображает свечу из телесного воска, то есть из судеб миллионов людей, сломленных, отвергнутых новым миром. Среди этих людей и сам поэт.

В стихотворении «Хороша была Танюша, краше не было в селе...»

Побледнела словно саван, схолодела, как роса.

Душегубкою – змею развилась ее коса.

Данная метафора выражает сравнение бледности героини с саваном – широким одеянием, покровом из белой ткани для покойников.

В стихотворении «О верю, верю, счастье есть!»

Заря молитвенником красным

Пророчит благостную весть.

Данная метафора выражает сравнение зари с молитвенником красным.

Заря у С.А. Есенина ассоциируется с чем-то духовным, чистым, светлым.

В стихотворении «О пашни, пашни, пашни...»:

И мыслил и читал я

По библии ветров,

В данной метафоре библия ветров есть тайна природы, к которой пытается прикоснуться лирический герой.

В стихотворении «Чую радуницу божью...»:

Он зовет меня в дубровы,

Как во царствие небес,...

Данной метафорой поэт обожествляет простые дубровы, сравнивая их с царствием небес.

В стихотворении «Я обманывать себя не стану...»:

Для зверей приятель я хороший,

Каждый стих мой душу зверя лечит.

Данной метафорой С.А. Есенин показывает нам что только с животными у героя возникает взаимопонимание и дружба, он для них «приятель хороший», так как каждый его стих «душу зверя лечит».

В стихотворении «Несказанное, синее, нежное...»:

И душа моя – поле безбрежное –

Дышит запахом меда и роз.

Данная метафора показывает сравнение души с полем безбрежным, так как она очень широкая.

В стихотворении «Закружилась листва золотая...» поэт отмечает, что *«еще никогда бережливо так не слушал разумную плоть»*. Этой метафорой он сравнивает природу с плотью и подчеркивает, что окружающая природа гораздо мудрее человека, и у нее следует поучиться не только сдержанности, но и той тихой радости, которую она умеет дарить так щедро и безвозмездно.

В стихотворении «За темной прядью перелесиц...»:

«Ягненок кудрявый – месяц гуляет в голубой траве... бодаются его рога». Ягненок – это символ Иисуса Христа. Данная метафора показывает сравнение месяца с ягнёнком, а небо с голубой травой.

Выводы по главе II

Путем сплошной выборки мы обнаружили 160 единиц религиозной лексики в лирике С.А. Есенина. Среди них используется как общеупотребительная, так и специальная религиозная лексика. Можно выделить следующие тематические группы религиозной лексики: номинации религиозных заведений; номинации религиозных чинов; номинации религиозного лица; номинации религиозных праздников; номинации церковной службы; номинации религиозных реалий; номинации нечистой силы; номинации церковных писаний; номинации церковных частей сооружений; номинации верующих; рай; номинации священного города; духовность; номинации религиозных действий; грехи; номинации божьей награды.

После анализа использования религиозной метафоры в лирике С.А. Есенина, можно отметить, что есенинская метафора бывает именной и глагольной, каждая из которых подразделяется на: олицетворяющиеся, и на не олицетворяющиеся. Эпитеты, сравнения, метафоры в лирике поэта

существуют для того, чтобы полнее и глубже выразить себя. Автор стремится к всеобщей гармонии, к единству всего сущего на земле. Таким образом, один из основных законов мира С.А. Есенина является всеобщий метафоризм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами исследование особенностей использования религиозной лексики в творчестве С.А. Есенина помогло раскрыть, в целом, тему нашего исследования.

Цель: определить особенности использования религиозной лексики в лирике С.А. Есенина.

На основании решения поставленных в данной работе задач мы пришли к выводу о том, что поэт обширно использует религиозную лексику и пишет стихотворения на религиозную тему; совмещает лексику, относящуюся к православию и к католичеству.

Мы разработали типологию выявленной религиозной лексики, а также определили функции религиозных слов в произведениях.

В самом начале нашего исследования мы изучили понятие о лексических группах в современном русском языке.

Определили что, лексический состав в русском языке представляет собой не только простое множество слов, но и систему взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов одного уровня. В лексической системе языка выделяют группы слов, связанных общностью (или противоположностью) значения; сходных (или противопоставленных) по стилистическим свойствам; соединенных общим типом словообразования; объединенных совокупностью происхождения, своеобразием функционирования в речи, принадлежностью к активному или пассивному запасу лексики и т. д.

В ходе нашего исследования мы выявили специфику идиостиля С.А. Есенина.

Пейзаж в поэзии автора одухотворен. Пейзажная метафора соединена с евангельскими образами.

Крестьянская Русь в поэзии С.А. Есенина 1910-х годов олицетворяла небо. Синий цвет, традиционно ассоциировавшийся с образом Богородицы, стал, главным в цветовой образности есенинского стиха.

В православной теме С.А. Есенин – лирик и импрессионист. В религиозной образности его стихов нет книжной культуры, ее содержание – не канон, а эмоция.

Заметили, что почти в каждом стихотворении используются обращения к Богородице, Богу, святому Николаю, ангелам и другим представителям религиозно-православного культа.

Церковно-религиозная лексика представлена не только в названиях предметов церковно-религиозного обихода, но и в описаниях явлений природы.

В ранних стихотворениях поэта существуют элементы и диалектной, рязанской «вязи», неоднократно древнерусские слова, находит большое применение архаизированная религиозно-церковная лексика, связанная с религиозно - обрядческими образами.

Стихи С.А. Есенина, как раннего периода, так и 1917–1918 годов содержат в себе большое число старославянских слов. Славянизмов с неполногласными сочетаниями *ла, ра, ле, ре*, между согласными в его стихах мало и они используются в единственной функции – повышения стиля. Так же в стихах поэта очень обширно употребляются славянизмы.

Далее определили состав и структуру тематической группы религиозной лексики в поэзии С.А. Есенина. Путем сплошной выборки мы обнаружили 160 единиц религиозной лексики в поэзии автора. Среди них используется как общеупотребительная, так и специальная религиозная лексика. Составили собственную классификацию, и выделили следующие тематические группы религиозной лексики:

- 1) номинации религиозных заведений;

- 2) номинации религиозных чинов;
- 3) номинации религиозного лица;
- 4) номинации религиозных праздников;
- 5) номинации церковной службы;
- 6) номинации религиозных реалий;
- 7) номинации нечистой силы;
- 8) номинации церковных писаний;
- 9) номинации церковных частей сооружений;
- 10) номинации верующих;
- 11) рай;
- 12) номинации священного города;
- 13) духовность;
- 14) номинации религиозных действий;
- 15) грехи;
- 16) номинации божьей награды.

Так же мы изучили религиозную метафору в лирике С.А. Есенина и пришли к выводу о том, что творчество поэта изобилует метафорами. У поэта огромное словесное воображение, он любит эффекты, неожиданные сопоставления и трюки, здесь он – неисчерпаем, часто остроумен, всегда дерзок.

Развернутая метафора – характерная черта поэзии С.А. Есенина. Метафоры у автора бывают как глагольными так и именными, в его поэтических текстах также часто встречается метафорический эпитет. С точки зрения семантики есенинские метафоры бывают как олицетворяющими так и неолицетворяющими, однако в описаниях природы мы чаще всего встречаемся с олицетворением.

Таким образом, эпитеты, сравнения, метафоры в лирике С.А. Есенина существуют не сами по себе, ради красивой формы, а для того, чтобы полнее и глубже выразить себя. Отсюда стремление к всеобщей гармонии, к

единству всего сущего на земле. Поэтому один из основных законов мира поэта – это всеобщий метафоризм.

На основании вышеизложенного можем сказать о том, что в результате нашего исследования мы определили особенности использования религиозной лексики в творчестве С.А. Есенина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Азаровский, К. Сергей Есенин мнимый и подлинный / К. Азаровский. – М.: Литературная газета, 1994. – 139 с.
2. Арнаудов, М.М. Психология литературного творчества / М.М. Арнаудов. – М.: Прогресс, 1970. – 654 с.
3. Арутюнова, Н.Д. Теория метафоры. / Н.Д. Арутюнова. – М.: Просвещение, 1990. – 259 с.
4. Базанов, В.Г. Об одном стихотворении Сергея Есенина // Есенин и русская поэзия / В.Г. Базанов. – Л.: Наука, 1967. – 355 с.
5. Базанов, В.В. Сергей Есенин и крестьянская Россия / В.В. Базанов. – Л.: Наука, 1982. – 271 с.
6. Бельская, Л.Л. «Душа поэзии – эпитет» / Л.Л. Бельская. – М.: Литературная учеба, 1986. – 203 с.
7. Большакова, А. Есениноведение сегодня: ключи к пониманию / А. Большакова. – М.: Литературная учеба, 2002. – 194 с.
8. Будагов, Р.А. Художественное произведение и его язык / Р.А. Будагов. – М.: Филологические науки, 1985. – 315 с.
9. Валгина, Н.С. Современный русский язык / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2002. – 528 с.
10. Вдовин, В.А. «О новый, новый, новый, прорезавший тучи день» // Есенин и современность / В.А. Вдовин. – М.: Просвещение, 1975. – 411 с.
11. Виноградов, В.В. Проблемы русской стилистики / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1981. – 320 с.
12. Винокуров, Е.М. Вся душа // В мире Есенина / Е.М. Винокуров. – М.: Советский писатель, 1986. – 100 с.

13. Винокур, Г.О. О языке художественной литературы / Г.О. Винокур. – М.: Высшая школа, 1991. – 447 с.
14. Волков, А.А. Стиль молодого Есенина / А.А. Волков. – М.: Волга, 1975. – 174 с.
15. Волков, А.А. Художественные искания Есенина / А.А. Волков. – М.: Советский писатель, 1976. – 440 с.
15. Воронова, О.Е. Между религией и «русской идеей». С.А. Есенин и Н.А. Бердяев / О.Е. Воронова. – М.: Наследие, 1997. – 292 с.
16. Воронова, О.Е. Религиозный символ в поэтическом контексте С.Есенина / О.Е. Воронова. – М.: Русская речь, 1998 – 320 с.
17. Воронова, О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура / О.Е. Воронова. – М.: Просвещение, 2002. – 341 с.
18. Галинская, Е.А. Русский язык и его история: Программы кафедры русского языка для студентов филологических факультетов государственных университетов / Е.А. Галинская. – М.: МАКС Пресс, 2007. – 480 с.
19. Галкина-Федорук, Е.М. О стиле поэзии Сергея Есенина / Е.М. Галкина-Федорук. – М.: Издательство Московского университета, 1965. – 178 с.
20. Евдокимов, И.В. Сергей Александрович Есенин // Сергей Александрович Есенин. Воспоминания / И.В. Евдокимова. – М.: Л., 1996. – 209 с.
21. Есаулов, И.А. Творчество Есенина и православная традиция: проблемы методологии // Есенин на рубеже эпох: итоги и перспективы: Материалы Междунар. конф., посвященной 110-летию со дня рождения С.А. Есенина / И.А. Есаулов. – Рязань: Пресса, 2006. – 169 с.
22. Есенин, С.А. Полн. собр. соч. В 7 т., 9 кн. – М.: Советская Россия, 1995 – 2001.
23. Есенин, С.А. Собрание сочинений в двух томах. – М.: Советская Россия, 1990г.

24. Занковская, Л.В. Характерные черты стиля Сергея Есенина / Л.В. Занковская. – М.: Литература в школе, 2003. – 213 с.
25. Захарова, Л.В. Поэзия С.А.Есенина в аспекте христианской образности / Л.В. Захарова. – Тула: Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2009. – 239 с.
26. Захаров, А.Н. Художественно-философский мир Есенина / А.Н. Захаров. – М.: Литература в школе, 2004. 211 с.
27. Зелинский, К.Л. Черты поэтического стиля Есенина // Есенин и русская поэзия / К.Л. Зелинский. – Л.: Наука, 1967. – 265 с.
28. Зуев, Н. Философия природы и человека в лирике Есенина // Жизнь и поэзия – одно. / Н. Зуев. – М.: Современник, 1990. 194 с.
29. Иванов-Разумник, Р.В. Две России / Р.В. Иванов-Разумник. – СПб.: Скифы, 1988. – 224 с.
30. Касаткин, Л.Л. Русский язык / Л.Л. Касаткин. – М.: Просвещение, 2012. – 287 с.
31. Калинин, А.В. Лексика русского языка / А.В. Калинин. – М.: Просвещение, 1978. – 369 с.
32. Карпов, А.С. Поэмы Сергея Есенина / А.С. Карпов. – М.: Высшая школа, 1989. – 108 с.
33. Киселева, Л.А. «Икона» и «орнамент» в лирике Сергея Есенина 1914–1917 гг. // Есенин на рубеже эпох: итоги и перспективы: Материалы Междунар. конф., посвященной 110-летию со дня рождения С. А. Есенина / Л.А. Киселева. – Рязань: Пресса, 2006. – 219 с.
34. Козловский, А.А. Есенин, С.А. Стихотворения и поэмы / А.А. Козловский. – М.: Правда, 1984. – 348 с.
35. Коржан, В.В. «Есенин и народная поэзия» / В.В. Коржан. – Л.: Наука, 1969. – 286 с.
36. Коржан, В.В. Символика в поэзии С.Есенина / В.В. Коржан. – М.: Филологические науки, 1977. – 320 с.

37. Кошечкин, С.П. Есенин и его поэзия / С.П. Кошечкин. – Баку: ЯЗЫЧИ, 1980. – 353 с.
38. Кузнецова, Э.В. Лексикология русского языка / Э.В. Кузнецова. – М.: Просвещение, 1989. – 348 с.
39. Кузьмшцева, Н.М. Мифопоэтическая модель мира в «маленьких» поэмах С.А. Есенина / Н.М. Кузьмшцева. – М.: Просвещение, 1998. – 249 с.
40. Куняев, С.Ю. Сергей Есенин / С.Ю. Куняев. – М.: Молодая гвардия, 1995. – 573 с.
41. Лубянская, Г.И. Три лика лирики / Г.И. Лубянская. – Тула: Приокск. кн. изд-во, 1987. – 318 с.
42. Львов-Рогачевский, В.Л. Поэзия Новой России: поэты полей и городских окраин / В.Л. Львов-Рогачевский. – М.: Просвещение, 1979. – 255 с.
43. Мамлеев, Ю.В. Духовный смысл поэзии Есенина // Столетие Сергея Есенина / Ю.В. Мамлеев. – М.: Наследие, 1997. – 345 с.
44. Марченко, А.М. Поэтический мир Есенина / А.М. Марченко. – М.: Советский писатель, 1972. – 312 с.
45. Марченко, А.М. Поэтический мир Есенина / А.М. Марченко – М.: Советский писатель, 1989. – 304 с.
46. Мочульский, К. Мужичьи ясли. О творчестве Есенина // Русское зарубежье о Есенине / К. Мочульский. – М.: Просвещение, 1993. – 341 с.
47. Мусатов, В. Поэтический мир Сергея Есенина / В. Мусатов. – М.: Литература в школе, 1995. – 224 с.
48. Образцова, В.В. Сравнения в поэзии С.Есенина / В.В. Образцова. – М.: Русская речь, 1973 – 351 с.
49. Овчинников, Д.А. Сергей Есенин // Литературно-критический очерк / Д.А. Овчинников. – Тула: Приокское книжное издательство, 1982. – 238 с.
50. Павловский, М. Религия русского народа в поэзии Есенина / М. Павловский. – М.: Наследие, 1997. – 115 с.

51. Поляков, Ю. Прозрения дивный свет: перечитывая Есенина / Ю. Поляков. – М.: Российская газета, 1995. – 238 с.
52. Прокушев, Ю.Л. Время Есенина // Время. Поэзия. Критика / Ю.Л. Прокушев. – М.: Художественная литература, 1980. – 326 с.
53. Прокушев, Ю.Л. Сергей Есенин: Образ. Стихи. Эпоха / Ю.Л. Прокушев. – М.: Современник, 1978. – 206 с.
54. Прокушев, Ю.Л. Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха / Ю.Л. Прокушев. – М.: Современник, 1986. – 326 с.
55. Прокушев, Ю.Л. Сергей Есенин. Поэт. Человек / Ю.Л. Прокушев. – М.: Просвещение, 1973. – 238 с.
56. Семенова, С.Г. Стихии русской души в поэзии Есенина / С.Г. Семенова. – М.: Наследие, 1997. – 282 с.
57. Сидорина, Н.К. Златоглавый // Тайны жизни и гибели Сергея Есенина / Н.К. Сидорина. – М.: Классика Плюс, 1995. – 304 с.
58. Скороходов, М.В. Раннее творчество С.А. Есенина в историко-культурном контексте: «Радуница» 1916 г. и маленькие поэмы 1917. – 1918 гг. / М.В. Скороходов. – М.: Просвещение, 1995. – 216 с.
59. Сойкина, П.П. Полный православный богословский энциклопедический словарь / П.П. Сойкина. – М.: Концерн «Возрождение», 1992.
60. Сохряков, Ю.И. «Душа грустит о небесах»: религиозные мотивы в лирике С.Есенина / Ю.И. Сохряков. – М.: Литературная Россия, 1995. – 294 с.
61. Сохряков, Ю.И. О религиозных мотивах в лирике Есенина / Ю.И. Сохряков. – М.: Наследие, 1997. – 323 с.
62. Фомина, М.И. Современный русский язык. Лексикология / М.И. Фомина. – М.: Просвещение, 1983. – 432 с.
63. Чернявский, В.С. Три эпохи встреч (1915 – 1925) // С.А. Есенин в воспоминаниях современников / В.С. Чернявский. – М.: Просвещение, 1986. – 220 с.

64. Чешко, Л.А. Русский язык: Учебное пособие / Л.А. Чешко. – М.: Высшая школа, 2014. – 333 с.
65. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1972. – 468 с.
66. Шахов, В. Размышления об истоках есенинской поэзии // Сергей Есенин. Проблемы творчества / В. Шахов – М.: Современник, 1985. – 261 с.
67. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелев. М.: Просвещение, 1977. – 395 с.
68. Шубникова-Гусева, Н.И. Русское зарубежье о Есенине. Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи / Н.И. Шубникова-Гусева. – М.: Просвещение, 1993. – 248 с.
69. Юдкевич, Л.Г. Лирический герой Есенина / Л.Г. Юдкевич. – Казань: Наука, 1971. – 215 с.
70. Юнусова, Н.К. Формирование эстетической концепции С.А. Есенина и ее воплощение в поэмах 1917 – 1920 годов / Н.К. Юнусова. – М.: Просвещение, 2004. – 197 с.
71. Юшин, П.Ф. Сергей Есенин: Идеино-творческая эволюция / П.Ф. Юшин. – М.: Просвещение, 1969. – 202 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сценарий проведения внеклассного мероприятия «Религиозная метафора в поэзии С.А. Есенина» в 7Б классе

Тема: «Религиозная метафора в поэзии С.А. Есенина»

Возраст детей: 12–13.

Цель: Создать условия для изучения творчества С.А. Есенина посредством анализа религиозной метафоры.

Задачи мероприятия:

1. *Образовательная:* познакомить детей с понятием «Религиозная метафора»;
2. *Развивающая:* развивать умения находить и анализировать метафору в тексте;
3. *Воспитывающая:* формировать у детей эстетическое чувство и интерес к творчеству Есенина.

Форма – классный час

Оборудование: карточки, словарь, интерактивная доска.

Место проведения – МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №37» города Белгорода.

Время проведения –14:15.

План внеклассного мероприятия:

- I. Организационный момент (1 мин).
- II. Самоопределение к деятельности (7 мин).

- III. Усвоение нового материала (15 мин).
- IV. Закрепление (15 мин).
- V. Итоги внеклассного мероприятия (7мин).

Ход мероприятия:

I. Организационный момент.

Вступительное слово учителя: – Здравствуйте ребята!

II. Самоопределение к деятельности.

Учитель дает задание: на доске записаны метафоры («огонь зари», «горит восход», «глазное яблоко», «золотые кудри»).

– Ребята как вы думаете, что записано на доске?

Ответы учащихся.

– Что такое метафора?

Ответы учащихся.

Слайд 1. Изображение портрета С.А. Есенина, четверостишия из стихотворений поэта, в которых содержится религиозная метафора.

Учащиеся должны в данных четверостишиях найти метафоры.

Ответы учащихся.

– Что необычного в них вы заметили?

Ответы учащихся.

– Как вы думаете, как называются такие метафоры?

Ответы учащихся.

– Как вы считаете, что же такое религиозная метафора?

Ответы учащихся.

– Мы увидели на слайде изображение портрета С.А. Есенина и четверостишия из его стихотворений, в которых содержится религиозная метафора.

– Какова тема внеклассного мероприятия?

Ответы учащихся.

III. Усвоение материала.

– Творчество С.А. Есенина пришлось на сложные послереволюционные годы. Религия не стала запретной темой, так как не искоренялась насильственно, – борьба с ней велась на очень глубоком уровне. Авторы стали гораздо вольнее трактовать библейские сюжеты, расширять значение религиозных образов, привнося в них элементы собственного художественного видения. С этой точки зрения нам будет особенно интересен С.А. Есенин. Он обширно использует религиозную лексику и пишет стихотворения на религиозную тему.

– Творчество поэта изобилует метафорами. У С.А. Есенина огромное словесное воображение, он любит эффекты, неожиданные сопоставления и трюки, здесь он – неисчерпаем, часто остроумен, всегда дерзок.

– Религиозная метафора – характерная черта поэзии С.А. Есенина.

– Давайте выполним задание: слайд 2. на экране изображены отрывки из лирики С.А. Есенина.

– Вы должны найти религиозные метафоры и попытаться определить их толкование, при необходимости воспользуйтесь словарем.

Ответы учащихся.

IV. Закрепление.

Учитель раздает учащимся карточки, на которых даны примеры религиозной метафоры С.А. Есенина и их толкование. Учащиеся должны соединить правильные ответы.

Ответы учащихся.

V. Итоги внеклассного мероприятия.

Учитель задает вопросы:

- Что нового вы узнали на сегодняшнем мероприятии?
- Что такое религиозная метафора?
- Как вы думаете, часто ли использует в своем творчестве религиозную метафору Есенин?
- Какие наиболее понравившиеся примеры религиозной метафоры Есенина, рассматриваемые на внеклассном мероприятии, вы можете привести?
- Понравилось ли вам данное мероприятие?

Ответы учащихся.